

ВОЕННАЯ БОЕВАЯ
ФАНТАСТИКА

УНИКУМ

ВЛАДИМИР ПОСЕЛЯГИН

Военная боевая фантастика

Владимир Поселягин

Уникум

«Издательство АСТ»

2021

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Поселягин В. Г.

Уникум / В. Г. Поселягин — «Издательство АСТ»,
2021 — (Военная боевая фантастика)

ISBN 978-5-17-133078-1

Его всегда считали везучим. Ростислав не отрицал, он таким и был. И в этот раз судьба была на его стороне. «Боинг» сбит зенитной ракетой, все пассажиры и экипаж погибли, но один пассажир выжил. Точнее, выжила его душа, оказавшись в прошлом и в другом теле. А впереди одна из страшнейших войн в истории. Ему придётся изрядно постараться, чтобы выжить. Хотя он и так не промах.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-133078-1

© Поселягин В. Г., 2021
© Издательство АСТ, 2021

Содержание

Пролог	6
Глава 1	9
Глава 2	17
Глава 3	24
Глава 4	31
Глава 5	39
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Владимир Поселягин

Уникум

© Владимир Поселягин, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

* * *

Пролог

Очнулся я в тот момент, когда меня переворачивали, – от более по всему телу, – и застонал сквозь зубы. Похоже, обмывали – знакомые ощущения. Как-то меня пяток гопников чуть до смерти не забили, в больнице так же себя чувствовал. Этих гопников потом закопали, отморозки из бандитов девяностых, что из тюрьмы вышли. Но сейчас помнил точно: не гопники постарались. Да уж, гробанулись так гробанулись. Я уж думал, всё, изменила мне удача, а тут гляди-ка, выжил. Летели мы из Египта, и вдруг взрыв в хвосте, самолёт начал разваливаться и фигурки людей полетели вниз. Вот и я, привязанный к креслу – целый ряд из трёх кресел был, – вопя, летел вниз. И почему на такие случаи парашюты в креслах не устраивают? Дёрнул за верёвочку, и купол открылся. Помнил, как падали, ветер резал глаза, выбивая слёзы, рядом визжали две загорелые девушки, а потом удар о воду, и всё. Уже тут очнулся. Да ещё как-то быстро.

– Очнулся? – отреагировав на мой стон, поинтересовалась пожилая санитарка в странном халате с завязками не спереди, а сзади. Она меня и обмывала, к слову. – Тебя только что из тюремной больницы привезли. Очнулась вчера девочка, рассказала всё. Разобрались, что это не ты ее насильничал, а те трое. Родители твои завтра утром придут, а пока лечись.

Я же от непонимания случившегося просто молча пучил глаза, точнее, один глаз, второй так заплыл, что не открывался, и пытался понять, что происходит. Тут на меня навалились образы, перегружая и так переполненную память, и я опять вырубился, не видя уже, как испуганно захлопотала вокруг меня санитарка.

В этот раз пробуждение было куда тяжелее. Несколько секунд я лежал, тупо глядя в белённый известью потолок, анализируя новую память. Да, приплыл. Читал я книги о попанданцах, так что знаю, о чём говорю. Значит, я погиб, но удача и моя фортуна не подвели, выжил, переместившись в прошлое и в новое тело. Раньше звали меня Ростиславом Бардом. В детдоме так называли, директор у нас был почётным бардом в ближайшем клубе ДК, он же меня на музыку и посадил, а имя мне по очерёдности в списке досталось. Мать, будучи еще школьницей, отказалась от меня сразу в роддоме. С детства я был инвалидом. К счастью, не ума, одна нога короче другой на десять сантиметров. Видимо, сказалось то, что родительница молода была. Я уже потом нанял детектива, и он нашёл её. В тринадцать лет родила, каково?

Что я о себе могу рассказать? Я с детства был удачливым. Не говорю, что везло во всём и как сыр в масле катался, но если за что-то брался, то у меня это выходило. Думаю, именно поэтому я стал... кладоискателем. Удачный выбор. К моменту гибели, когда мне двадцать восемь исполнилось, я имел в Москве восемь квартир – семь сдавал и в одной жил сам, – дорогой внедорожник и второй старый «Дискавери» для выездов на поиск кладов. Работал в столице, и надо сказать, много чего тут есть, я один больше двух сотен кладов нашёл. Вот с выездами на природу не так везло, всего три крупных клада и шесть небольших. Чем я увлекался? Путешествия и женщины. По последним: не знаю, может, раньше это психологической травмой было, но мой выбор всегда был одинаков. Внешность не важна, главное, чтобы это была сильная и уверенная в себе особа с командными замашками. Причём подкаблучником я не был. Однако первой женщиной у меня была всё же одна из девчат старшей группы детдома. Вот детей у меня не было, переболел в детстве одной болезнью и стал бесплодным. Да и боялся я маленьких детей. Хрупкие слишком. Понимал, что это дурацкая боязнь, но ничего не мог с собой поделать. Всю жизнь был холостяком и личной свободой очень дорожил. Зато очень многие одинокие женщины мне благодарны – с некоторыми до сих пор встречаемся, точнее встречались. А в завещании написано, что все квартиры отойдут моему детдому в Уфе. Машины продадут, и деньги тоже уйдут на счёт детдома.

По второй моей страсти, путешествиям: последние пять лет я проводил полгода дома, в поисках кладов, и полгода в поездках. Особенно мне Южная Америка нравилась, а так как там в основном испанский в ходу, я в охотку его изучил. Тем более одна из знакомых была учительницей по иностранным языкам, как раз испанскому. В универе преподавала, на инязе. Я туда поступить пытался, решив покорить столицу, но не прошёл по конкурсу. Детдомовских туда не брали, на свободные места только и только блатных, но с преподавателем в приёмной комиссии познакомился. Год жили вместе, пока не разбежались, так что дала мне основы испанского и английского языков. После трех неудачных попыток поступить в разные высшие учебные заведения я плюнул на это дело. Так что после окончания школы нигде не учился и занимался поисками. Испанским я владел в совершенстве, а английским не так хорошо, лёгкий акцент присутствовал, ну и начал учить третий язык – китайский, основы получил, но развить не успел, погиб. Сложный язык, надо сказать, пока только триста слов запомнил. Мизер. А изучать начал, потому как три года назад переключился на отдых в Азии, это я о Филиппинах и всём, что вокруг, включая Индию, а китайский там в ходу. Впрочем, как и английский. Брал моторную катер-яхту напрокат и отдыхал, путешествуя по местным морям неделями, бывало и по паре месяцев. А как же в Египте оказался? Да без денег фактически был, на широкую ногу же жил, и отчислений по квартирам не хватало, а из находок всего два клада, да и те мизер. Вот и полетел в Египет. В Эмиратах я уже был, а тут решил с другой стороны Красного моря побывать. Два месяца отдыхал, меняя города и отели – принципиально не пользуюсь туристическими агентствами. Покупал билет и летел, бронируя номер через интернет. Оно так заметно дешевле. Так вот, в Египте мне не понравилось, народу много, особенно наших – борзоты и быдла. Поэтому жил в дорогих отелях, где были свои пляжи, там наши тоже были, но куда меньше. В основном туристы из других стран: итальянцы, германцы. А вообще я могу сказать так, за девять лет – а я с восемнадцати путешествую – много где побывал: в США, в той же Бразилии не раз... Мою жизнь можно долго описывать, она у меня ярко и хорошо проходила.

Теперь про жизнь Глеба Русина, в тело которого я попал. Знаете, очень некрасивая история вышла. Однако по порядку. Глеб в семье был нелюбимым ребёнком. Сам он так не считал, но я, прокрутив его память, пришёл именно к этому выводу. Не нравилась мне его семья. Ну вот прям не нравилась, и всё тут. По факту воротило от этих людей. Да, я детдомовский и, как все воспитанники, мечтал в детстве, что придёт мама и заберёт меня, но розовые очки спали после десяти лет. Понимаю, что поздно, но я ещё тот фантазёр и мечтатель. Поэтому пусть я детдомовский и семья для меня святое, я этих людей за семью не считал и решил, что это удобный способ отказаться от них, объявив себя сиротой. Тем более Глебу уже восемнадцать исполнилось два месяца как, совершеннолетний. Что вообще произошло? Глеб шёл с тренировки, он тяжёлой атлетикой увлекался, хотел на отца походить и, чтобы нравиться девушкам, считал, что у мужчины должна быть красивая фигура (я, к слову, так же считал и был завсегдатаем качалок). Так вот, когда он возвращался с тренировки, услышал то ли писк, то ли вскрик, рванул на шум в кусты, а там трое. Девчонку лет четырнадцати удерживали и совершали действия насильственного характера. Вот он и вломился и начал бить эту тройку. Тут на шум патруль милиции подоспел. Повязали всех. Девчонка без сознания, её сразу в больницу. Тройка пела как соловьи, что застали Глеба над насилием, пытались помешать, но тот хорошо дрался – все три морды наливающимися синяками изукрашены были. Ну а так как один из подростков был сыном секретаря исполкома, ясно, кому поверили. Родителей Глеба вызвали, а те, ворвавшись в кабинет, не стали ругать Глеба. Мать молча стояла, наблюдая, как отец, сбив того со стула, стал избивать. Следователь не мешал, просто смотрел. Отец у Глеба под два метра, кулаки что кувалды. Сам Глеб в мать пошёл, невысокий, но про таких говорят, крепко сбит и ладно скроен. Вот отец настоящий громила двух метров ростом. Избивал профессионально, пусть не боксёр, всё же хирург, нельзя калечить руки, но куда бить, знал. Нос сломал, пару зубов выбил, потом ногами по животу, рёбрам, старался в пах попасть. Мне кажется, Глеб

там и умер, от предательства родителей. Кричал, что не виноват, но ему не поверили. Потом всё затопила темнота, и в его теле очнулся уже я. Как я понял санитарку, девчонка очнулась и правду рассказала, и из тюремной больнички меня в обычную перевезли. Непонятно зачем. На месте не могли вылечить?

Что еще про Глеба. Сам он в Москве родился, это родители его из понаехавших (к слову, сам я из Уфы родом, в Москву поступать в иняз приехал, да так и остался). Семья профессиональных врачей у Глеба. Мать педиатр, отец хирург. Старший брат в медицинском учится, на последнем курсе, в следующем году интернатура. Глеб, закончив десять классов, тоже подал документы в медицинский университет, но я не он, медицина меня не привлекает. Да и пока не понятно, что делать. Нужно обдумать всё. Время есть, пока в больнице нахожусь. Так вот, помимо родителей и старшего брата у него есть две младшие сестры-близняшки десяти лет. Тоже врачами хотят стать.

Как я уже говорил, Глеба в семье не любили, и всё старший брат. За что он ненавидел младшего, я так и не понял, хотя всю память просмотрел. Однако факт остаётся фактом, портил репутацию брата как мог, подставлял. Может, это тоже наложилось? Знали, что Глеб ходок, и веры ему нет. Старший брат даже сестёр подговаривал, те шустрые, с шилом в задницах, мелкие пакостницы – это про них, и пакостили они Глебу. Однако он прощал. Вообще не злобливый был, прощать умел. Но у меня другой характер. С такой семейкой никаких врагов не надо, и хорошо, что для меня они чужие и привыкать к ним не нужно. Еще у Глеба бабушка по матери была, в Подмоскowie жила, но умерла полгода назад. Мать тут же продала её дом, девяти дней не прошло, хотя Глеб хотел оставить его себе. Вот кого он любил всем сердцем, и смерть бабушки стала для него сильным потрясением. На самом деле Глеб военным хотел стать, танкистом, и по росту подходил, но родители мечтали о том, что все в семье врачами будут, а он не смел отказать. Документы поданы, уже принят, в следующем месяце начаться занятия должны, но мне это не интересно. Да, забыл сообщить. Сейчас на дворе август тысяча девятьсот сорокового года. Вот такие дела...

Да, судя по виду из окна, сейчас утро, значит, всю ночь я знания принимал. А судя по шуму за дверью и довольно громкому, знакомому женскому голосу, пришли родители Глеба. Говорить я не пробовал, всё болело, но если смогу, всё выскажу и пошлю их так далеко, как смогу, обрывая все родственные связи. Да и какие тут связи? Не было их никогда.

Глава 1

Вживание

Поправив пилюльку, я вышел из ворот военной академии. Основана эта академия по постановлению Совета труда и обороны СССР приказом Реввоенсовета СССР от тринадцатого мая тысяча девятьсот тридцать второго года как Военная академия механизации и моторизации РККА имени И. В. Сталина, на базе факультета механизации и моторизации Военно-технической академии имени Ф. Э. Дзержинского и Московского автотракторного института имени М. В. Ломоносова. Несмотря на то что выпускались тут со всех четырёх факультетов командиры в звании лейтенантов и соответствующих им, у меня в чёрных петлицах алели треугольники сержанта бронетанковых войск. Сегодня было четвёртое июня тысяча девятьсот сорок первого года. Пока шло всё как и задумывалось, пусть и не по плану.

Осмотревшись, я помахал рукой знакомой, к которой бегал во время увольнительной, да и в самоволку, чего уж тут, и, переложив чемодан из правой в левую руку, быстрым шагом направился к ней. Знакомая дивчина двадцати шести лет от роду с уже заметным животиком – моя работа – улыбнулась и позволила себя обнять. Мы же, не обращая внимания на недоумённые взгляды – разница в возрасте была заметна, да и не принято тут так свои чувства проявлять, но нам было всё равно, – крепко поцеловались. Вдова морского командира-подводника, погибшего в Финскую, подхватила меня под локоток и поинтересовалась:

– Надолго отпустили?

– Поезд вечером.

– Успеем, – улыбнулась она, и мы быстрым шагом направились к квартире.

Светлана Иванова, несмотря на то что всего два года назад жила в Ленинграде, где служил муж, после его гибели переехала в столицу, благо поступило неплохое предложение по её специальности. Она была технологом-производственником. Работала на местном автозаводе, где выпускали грузовики ЗИС. Вот как ценному специалисту ей и выделили из резервного жилого фонда небольшую квартирку. Пусть небольшая, зато не коммуналка. То, что будущего у нас нет, она хорошо знала, но своего женского счастья упускать не желала. Ну и попросила ей ребёнка заделать. Будет одна воспитывать. А я, когда мы встретились, сильно сомневался, что агрегат будет работать, да и что дети у меня будут. Отец Глеба отбил ему всё. Видели яйца у быка? Когда я свои осторожно и морщась нащупал, они были такого же размера, да ещё переливались синим. Потом, конечно, опухоль сошла, но травма серьёзная, мог инвалидом стать. К счастью, обошлось.

Когда я впервые сам увидел родителей Глеба, а не из его памяти образы взял, жуткая ненависть к ним так и колыхнулась, однако я её скрыл, не задавил – злоба так и клубилась, – но не показал. Материть и ругать я их не стал, просто тихим голосом сказал:

– Я сирота, родственников у меня нет. Попрошу покинуть палату.

После этого отвернулся и закрыл глаза, не общаясь с неприятными мне людьми. Они приносили извинения, но я молчал, так что, потоптавшись, всё же ушли.

Что интересно, у меня была одноместная палата, явно для большого начальства. Да и сама больница именно та, где родители Глеба работали. Видимо, они и подсустились, чувствуя свою вину. Однако прощать их я не намерен.

К концу сентября, когда меня, наконец, выписали, мать одна пришла встретить. Глянув в её глаза, полные тоски, я отвернулся и ушёл. Уже все поняли, что сына и брата они потеряли, а эта ходит. Прощать её было не за что. Муж её был махровым подкаблучником, а она смотрела в кабинете следователя, как избивают Глеба, и молчала. А теперь прости-извини? Идите на хрен. Я так им и сказал. Вообще-то стоило бы подольше полежать. Всё же сломан нос, правая

рука, два ребра и ещё в двух трещины, внутренние травмы, отец Глеба бил тяжёлыми сапогами в живот, однако причины попросить выписать пораньше были. Я долго думал и размышлял, пока лежал в палате, что делать дальше и как жить. То, что жить буду хорошо, это и так понятно, помню все захоронки, что находил в столице. Тут другое. Знаете, мне нравятся люди этого периода, они добрее и душевнее. Я не говорю о родителях Глеба, дерьмо всегда найти можно. Тут как большая семья, всегда придут на помощь. Причём тут не только воспоминания Глеба, но и мои собственные впечатления от работников больницы. Окровавленную одежду постирали, погладили и выдали при выписке. Сами. Родители не просили, похоже, даже не вспомнили. Кстати, отношение к ним здесь изменилось. Я особо не скрывал того, что произошло с Глебом, так что большая часть работников больницы была на моей стороне.

Скоро война, и оставаться в стороне я не хотел, а желал воевать, закончить войну фронтовиком, опытным солдатом. Может быть, даже офицером. Потом устроюсь в столице и буду жить дальше. С путешествиями завязать можно, ну или летом по Союзу путешествовать, тоже большая страна с интересными уголками. Но до этого ещё дожить нужно, так что планов я особо пока не строил. Да, можно отсидеться в тылу, возможности есть. Или сообщить правительству как-нибудь, что я из будущего, так мне обеспечат безопасную жизнь. Пусть в клетке, даже не золотой или серебряной, но безопасной. У многих свои мечты есть, у меня тоже. Одна из них – это встретить войну на западной границе. Однако не хочу летом сорок первого, будучи призванным и необученным, быть брошенным под танки с одной винтовкой. Может, это и вранье историков будущего, но такие случаи были. В общем, я решил получить воинскую специальность, хоть какой-то теоретический опыт перед началом войны, и стать одним из немногих, кто прошёл её от начала и до конца. Надеюсь, моя фортуна не подведёт. Лётчиком бы стать, эта специальность и после войны может пригодиться, но по времени не успеваю.

А вот сообщить правительству о скорой войне я просто обязан. Надеюсь, так меньше граждан погибнет. Информацию я собирался передавать письмами. Так и сделал. Покинул больницу в десять часов утра. Мелочи, что дали санитары, хватило доехать до универа, где я забрал документы. Учёба уже началась, но родители Глеба договорились, что я нагоню однокурсников. Но учиться я отказался, хотя Глеб закончил школу с золотой медалью и был не дурак, учёба давалась ему легко. Что интересно, я и сам был из таких уникалов, но детдомовских не брали в университеты, тем более иногородних, – иди в училище. В общем, решение было принято, и документы мне вернули.

Затем я посетил дом, где на чердаке были закопаны золотые монеты, два десятка всего. В насыпке для утепления был небольшой схрон. Оружия там не было, но царские золотые червонцы имелись. Продал их на рынке местному скупщику и снял комнату на неделю. А на следующий день направился в военкомат. Призыв, оказалось, уже закончился, но меня приняли.

– В училище хочешь? – уточнил капитан, что принял у меня документы.

– Да, в пехоту. Мне сказали, что есть на полгода, сержанта получу.

– Общевоинское, – кивнул тот. – Есть на окраине столицы такое училище. Только оно ещё неделю назад прекратило набор. Есть училище, что готовит пулемётчиков и миномётчиков. Вот там набор пока не закрыт. Тоже полгода обучения. Сержанта получишь, как и хотел.

– Хм, – я задумался. В принципе, тоже стоящая профессия, так что кивнул, соглашаясь.

Личное дело на призывника Глеба Русина в военкомате было, ещё полгода назад завели, так что мне выдали направление в больницу, я прошёл за два дня медкомиссию, с трудом получил везде «годен» и первого октября был направлен в училище.

Я не знаю, везде такой бардак или только в армии подобное вполне обычное дело, но на подходе к училищу нас остановили два командира, отобрали восемь человек из девятнадцати и с новым сопровождающим отправили обратно в центр столицы. Оказалось, при бронетанковой академии открылись курсы сержантского состава, где решили готовить командиров танков и инженерно-танковых командиров. Ремонтников, если проще. Я попал на факультет команди-

ров танков. Я лично в танкисты не очень сильно хотел, в отличие от Глеба, у меня такой мечты не было. Смертность на начальном этапе войны у них не просто большая, огромная была, и шансов, даже с моей удачей, у меня будет мало. Однако никто не спрашивал моего согласия. Всё в принудительном порядке. Курсы организовались срочно, вот мы в первый набор и попали – всех гребли, кто подходил. Абитуриентов набралось больше сотни, по тридцать человек на курсе, всего четыре группы. Не хватало командиров-танкистов, вот и начали готовить. Делать нечего, пришлось учиться.

Со Светой я познакомился еще до призыва. Искал учителя немецкого языка, а она немецкий чуть ли не как родной знала и решила репетиторством подзаработать. Мы как-то быстро сошлись, до постели дело дошло уже на третий день, обоим это устраивало, так что я бегал к ней в увольнительные, мне как отличнику боевой и политической подготовки их часто давали, ну и в самоволки. Ни разу не попался. В училище немецкий язык тоже был, я и там на дополнительные курсы записался. Причём за эти восемь месяцев отлично его изучил. Говорю с сильным акцентом, но уже всё понимаю, пишу и читаю. Я не один такой полиглот, шестеро нас, один вообще монстр, даже говорит без акцента. Трое в моей группе было, включая полиглота, и мы для лучшего освоения только по-немецки между собой общались, действительно помогало развить разговорный навык. Со Светой мы тоже только на немецком. Та поправляла меня, когда нужно. До этого Глеб изучал английский, пусть плохонько, но говорил, так что я честно в личном деле указал, что знаю и его, а вот про свой испанский скрыл.

Под конец обучения я решил сменить имя, фамилию и отчество, с этим и подошёл к куратору нашей группы. Мол, хочу сменить, по личным мотивам. В принципе, тот знал причину. Мать Глеба приходила на свидание, нашла как-то, где я устроился, хотя никому не говорил об этом, включая друзей и одноклассников. Так что при выпуске я получил удостоверение сержанта бронетанковых войск на имя Ростислава Барда.

Секретная часть не возражала, в личном деле есть информация о смене данных, и ладно. Мне мое прошлое ФИО нравилось, да и привык к нему уже. Сложнее было с секретарём комсомольской ячейки в училище. Тот менять не хотел, но два килограмма свежих пряников, что я принёс из самоволки, решили дело в мою пользу. Получил новенький комсомольский билет.

Вот так время и прошло, сегодня четвёртое июня тысяча девятьсот сорок первого года. Сталину мной отправлено семь бандеролей с толстыми командирскими тетрадами, исписанными мелким убористым почерком, все они пронумерованы. Не знаю, дошли или нет, но всё, что знал про войну и как всё сложилось после нее, описал. Совесть успокоил, а то грызла. Первое письмо ещё до училища отправил.

С предвкушением в душе я прошёл в квартиру Светланы, она целый стол вкусностей наготовила. Но сначала я уволок её в кровать, по пути быстро избавляясь от новенькой формы. Долго не увидимся, а поезд сегодня, нужно хорошенько попрощаться.

Чуть позже, когда мы уже пообедали, я сказал:

– Я не знаю, увидимся ли мы когда или нет, но кое-что я тебе сообщу. В этом месяце начнётся война с немцами. Война страшная и долгая. В академии об этом узнал. Случайно подслушал разговор двух командиров из командированных. Не верить я им не могу, они профессионалы своего дела, а от их анализа становится страшно, аж волосы дыбом встают! Точный день они сами не знают, но, скорее всего, в одно из воскресений, многие командиры дома будут – самое то для нападения. Я направлен в Киевский особый военный округ, получается, попаду в самую мясорубку. Честно скажу, я собираюсь дожить до конца войны, но тут уж как получится. Одним словом, во время войны помощи тебе с ребёнком от меня не будет, поэтому хочу оказать её вам сейчас. Тут на чердаке два тайника, сделали их буржуи во время революции. Есть оружие и золото. Золото и одну единицу огнестрельного оружия я оставлю тебе. Как война начнётся, цены поползут вверх, введут продуктовые карточки. До этого момента тебе нужно запастись припасами из долго хранящихся: крупами и консервами. Ты, пока на работу

ходишь, возвращаясь, покупай в магазине полную сумку каждый день, так и накопишь, надеюсь, до конца войны хватит. Договорись о поставках свежего деревенского молока. Я видел, тут возят мужички на телегах. Не знаю, будут возить в войну или нет, всё равно контакт иметь стоит.

– У нас столовая на заводе.

– Там тоже по карточкам сделают. Резерв нужен. Особо не свети покупками, чтобы не обчистили квартиру. Я помочь не могу, поэтому сама поменяй половину золота. Лучше у зубных врачей, если знакомые есть. Крайний случай скупщики на рынках. Там смотри, обмануть могут, и проверь, чтобы слежки не было. Ну и потихоньку трать на покупки. Всю наличку спусти, экономить не нужно – потом цены подымут. Оставшееся золото так на чердаке и держи, твой НЗ будет, а вот оружие лучше в квартире. Я покажу, как им пользоваться. Давай одевайся, покажу тайники. Да наган себе заберу.

Выбор очевиден, мне револьвер, Светлане пистолет. Тут дело в патронах. Шестнадцать к пистолету. Я в будущем расстрелял их все, и ни одной осечки. К нагану всего четыре патрона, и пусть револьвер солдатский, без самовзвода, но из четырёх патронов три дали осечку. Сейчас, может, и все сработают, но рисковать я не хочу. Тем более достать патроны к этому оружию проблемой для меня не будет, они танкистам по штату положены.

Я натянул кальсоны и рубаху, потом галифе. Сапоги надевать не стал, надел полуботинки, что в прихожей стояли. Она халат накинула. Потом мы поднялись по шаткой приставной лестнице из подъезда на чердак через узкий люк. Там я показал ей оба тайника. В стропилах спрятались. Один опустошили, затем я убрал туда свои документы: школьный аттестат и свидетельство о рождении, пусть они на старое ФИО, но пригодятся в будущем. Паспорт в военкомате остался. А шофёрское удостоверение я получил после курсов в академии. Половину золотых и серебряных монет и оружие изъяли, банкноты не трогали – тут царские и керенки были. Вернулись. Пока Светлана, сидя за столом, изучала монеты, я почистил обе единицы оружия.

– Чемодан я оставляю, возьму армейский вещмешок, – сказал я, убирая заряженный наган в сидор, как в дверь вдруг резко и громко заколотили.

Мы замерли на миг. Держа в руке наган, я вопросительно посмотрел на Светлану. Она с работы отпросилась, чтобы проводить меня. Может, оттуда пришли, что-то срочное случилось? Та пожала плечами, мол, не знаю, при этом быстро убирая монеты в шкатулку. Пройдя к двери, я спросил:

– Кто там?

– Сантехник. Нужен срочно ключ от подвала. Заливает там. Прорвало опять.

Судя по хриплому пропитому голосу, действительно сантехник. Жаль, нет дверного глазка. Светлана отмахнулась от моего вопросительного взгляда, шепнув на ухо:

– Всё нормально.

Она сняла ключ с вешалки и, открыв дверь, протянула ключ сантехнику. Вот и минусы жизни на первом этаже рядом с дверью в подвал. Дом был сталинской постройки, но в этом подъезде мало семейных, в основном для одиноких специалистов, как Светлана. Тридцать шесть квадратов её однокомнатная квартира со всеми удобствами. Закрыв дверь, она следом за мной прошла в комнату и, наблюдая, как я, аккуратно придерживая, спускаю взведённый курок и убираю револьвер в вещмешок, сказала со смешком:

– Меня поразило твоё спокойствие. Я чуть не родила с испуга, а тебе хоть бы хны.

– У меня атараксия.

– Что это?

– Это состояние, которому свойственно отсутствие тревоги и беспокойства. Если проще, я не подвержен страху и вспышкам паники. В принципе это неплохо, но есть и минусы.

– В чём же?

Насчёт атараксии я сказал правду, это у меня из прошлой жизни. Я проверял, всё осталось. Однако, как я и говорил Светлане, есть и минусы.

– Я не был никогда военным и не знал, что меня бесят люди, отдающие мне приказы. Да ещё громким командным голосом. Имеется желание кулаком вбить слова обратно. Я пару раз чуть не сорвался. Знал бы о такой своей особенности, от военных училищ подальше бы держался.

– И никак не помочь?

– Куратор в курсе, запись в личном деле есть. Как мне пояснили, военная служба не моя стезя, отслужу год и демобилизуюсь. Надо было в университет какой-нибудь идти, но сложилось так, как сложилось. А проблему решить пробовали. Все командиры-преподаватели о ней извещены были и со мной общались только громким командным голосом.

– Помогло?

– Спасала их моя высокая выдержка и отсутствие оружия в руках. Как я счастлив, что этот кошмар закончился. А злобу в себе не копил, ты помогала сбрасывать.

– Так вот почему мы постель не покидали и только в ней и находились?

– Ага.

– А я ещё удивилась, откуда у тебя столько сил. Думала, молодой, вот и неустойчивый, а ты это, оказывается, эмоции выпускал.

– Это да. В общем, как ни печально, военная служба не для меня, но узнал я об этом поздно. Надеюсь, привыкну. Как война закончится, быстрее пули на гражданку рвану.

– За восемь месяцев не привык, а тут привыкнешь? – хмыкнула та.

– Не трави душу. Ладно, времени мало, давай научу пистолетом пользоваться.

На это час ушёл, с учётом того, что мы ещё два-двадцать минут покувыркались в постели. Ну, покувыркались – слишком громко сказано, с животом Светы это сложно, всё же шестой месяц срока пошёл, но главное, можно. Она записала мои новые данные, чтобы в метрику ребёнка внести, после этого мы собрались и посетили фотоателье, где нам сделали снимок. Света на стуле, я за спинкой стою в своей новенькой красноармейской форме. Только сегодня надел. Фото на память, уже сама заберёт, когда готово будет. Кстати, на форме у меня два значка: «Ворошиловский стрелок» второй степени, до первой немного не дотянул, всё же другие приоритеты важнее были, не разорваться же мне. Ну и значок отличника академии. Пусть и курсов, но всё же. Такие значки всего восемнадцать человек получили. Я, как отличник, замкомвзвода мог бы стать, но блатных у нас в группе хватало, и без меня было кого назначить. Мы под ручку возвращались на квартиру, я покидать её, а точнее, постель до вечера не планировал, как заметил музыкальный магазин. Деньги у меня были в нагрудном кармане гимнастёрки, поэтому, притормозив, кивнул на витрину:

– Зайдём?

– А ты умеешь играть?

– На аккордеоне и баяне.

– А почему в училище не брал?

– Я же не идиот. В этом случае я бы напрочь лишился личного времени, которого и так было мизер. А тут нужно восстановить навык, всё же год не играл. Пальцы, конечно, я разрабатывал, есть специальная гимнастика, чтобы их в тонусе держать, но это не то. Именно на инструменте навык нужно поддерживать.

– Ну да. Тут ты прав. Давай зайдём. А пальцы у тебя красивые, длинные и музыкальные.

– Бывший родитель планировал, что я, как и он, хирургом стану.

– Жаль, что твои родители умерли, – посочувствовала Света.

Я ей не говорил, что те умерли для меня, а не по-настоящему, пусть и дальше так считает.

– Да, жаль, – ответил я, козырнув командиру, что шёл навстречу – капитан-артиллерист, и потянул за ручку, открывая тугую дверь и пропуская вперёд Светлану.

Мы зашли в магазин, кстати, совсем даже не пустой, с полтора десятка человек было. Несколько мам своим детишкам покупали их первый инструмент. Даже странно, среда, час дня, а столько народу. Прошли в зал с аккордеонами, где я завис, изучая ассортимент. Надо сказать, что об инструментах этих времён я мало что знал. Глеб был туг на ухо и не имел музыкального слуха, но, к счастью, у меня не было с этим проблем, уже проверял в академии – брал у одного курсанта баян, пробовал, получалось неплохо. Когда, наконец, появился продавец, я уже выбрал. В принципе, тут и выбирать было не из чего, оказалось, в Союзе в данное время клавишные аккордеоны не были распространены, баяны да гармоники, и всё. Поэтому те четыре аккордеона, что были выставлены на витрине, оказались немецкими. Двух марок. Одна модель меня не заинтересовала, а вот фирмы «Hohner», с искривлённым для удобства руки грифом, очень даже понравился. Пока только внешним видом, как звучит, я ещё не слышал. Накинув ремни на плечи, я отстегнул застёжку и проиграл пару нот, проверяя звучание. Пальцам пока непривычно, мне ещё предстоит изучать инструмент, но в принципе всё знакомо. Так что уже через десять минут я наигрывал незатейливую мелодию, продолжая знакомиться с инструментом. Попробовал сыграть рок – я этому учился в Бразилии, там классный мастер был по року на аккордеонах, – но не получилось, сплошная фальшь. Нет, инструмент потянет такое звучание, я сам пока не тянул, нужно восстанавливать навык. Однако, чтобы сделать приятное Свете, стал наигрывать и приятным сочным баритоном запел, глядя ей в глаза – уже никто не существовал для нас двоих, только я и она:

Темная ночь, только пули свистят по степи,
Только ветер гудит в проводах, тускло звезды мерцают...

Света слушала внимательно, не отрывая от меня глаз, а по щекам текли слёзы. У меня у самого защипало в глазах – хорошая песня. Я закончил играть и, сложив аккордеон, сдул меха, когда услышал хлопки. Посмотрев в сторону прохода в соседний зал, увидел, что практически все посетители и продавцы слушали нас. Света отвернулась, утирая слёзы, хотя тут как раз стыдится нечего, а я, сняв инструмент, спросил у продавца:

– Сколько стоит, и есть ли чехол?

К счастью, уложился в сумму, что у меня была, хотя и оставалось всего семьдесят рублей. И да, чехол был. Пока мы с продавцом всё это упаковывали – мне даже подарили бархатную тряпочку натирать инструмент, – стали свидетелями забавного разговора между мамой и сыном. Тот стал яростно уговаривать купить такой же аккордеон, обещая научиться, хотя мама его была настроена на баян. Но она была довольна и дала себя уговорить. Как я понял, плохиш был против музыки, и его явно силой собирались ею заниматься заставить, а тут сам захотел. Вот что хороший пример делает. Ещё двое парнишек, мамы которых выбирали скрипки, проводили нас грустными глазами.

Повесив аккордеон на левое плечо, я под ручку со Светланой дошёл до её дома. Утечку устранили, соседка передала ключ, а то сантехник не достучался. Мы же продолжили отдыхать, ну и я собирался потихоньку. Вещмешок пополнялся. Запасные портянки, исподнее, полотенце, новая зубная щётка, зубной порошок в жестяной баночке и мыло. Всё это я купил и приготовил заранее, во время одной из увольнительных. Так покупки проще совершать, чем в самоволке. Патрули лютовали. Хорошо, я бегаю быстро, не догнали, не то пару раз бы точно сидел на гауптвахте. Помимо выше перечисленного был армейский походный набор. Старый, но на вид очень приличный плоский армейский германский котелок – с Империалистической кто-то трофей продавал. Внутри кружка и ложка-вилка – два в одном: с одной стороны ложка, с другой вилка. Не знал, что такое уже есть, купил с удовольствием. В котелок сложил пачку чая, соль и куски сахара, до полного. Крышку еле закрыл.

Положил бритвенный набор. Нож, похожий на финку, но с защитой, чтобы пальцы не порезать, за голенищем носить буду. Ну и складной, он в котелке.

Моток ниток с иглой и отрез ткани на подшивку подворотничка. Это пока всё. Сверху наган положил. Плюс ещё Света приготовила еды, чтобы до Киева хватило, но в вещмешке уже не хватит места, так она в пакет все завернула и бечёвкой перевязала. Там бутерброды, варёная курица, яйца и лук с чесноком. Однако в сидор я всё же смог впихнуть две банки тушёнки и десяток ржаных сухарей – пусть НЗ будет. Укладывал все так, чтобы спину не натирало. Всё. Готов.

Когда до отправления оставался час, а у подъезда прогудело клаксоном такси, которое я заказал – далеко всё же до вокзала, как бы не опоздать, – то Света сказала:

– У меня для тебя подарок есть.

Отошла к шкафу, повозилась с одним из ящиков и обернулась, держа в руках половинку морского бинокля, его латунные части заметно сверкали, явно недавно были надраены. Мощная оптика, но без второй половинки получался монокуляр.

– Этот бинокль отца моего мужа, он был морским офицером. У него оставалось два сына, они разделили бинокль пополам. Мне он не нужен, а тебе пригодится.

– Спасибо, солнышко.

Отказываться я не стал, вещь нужная, к тому же от чистого сердца. Пусть латунные части могут демаскировать, но будет возможность, закрасю их. Смог впихнуть его в вещмешок – теперь точно полный, после этого мы обнялись, крепко поцеловавшись, и я покинул эту квартиру и этот дом. Не знаю, когда вернусь, но постараюсь – ребёнка навестить хочу.

Такси оказалось аж ЗИС-101 лимузин, вот на заднем сиденье я и покатил к вокзалу. Доехали быстро, пробок здесь нет, так что вовремя были. Правда, мне всё равно старший группы попенял на опоздание, затем внес в список присутствующих. Моё личное дело у него, отдаст в секретный отдел по прибытии. Нас в Киевский особый военный округ пять десятков танкистов и ремонтников направляли, но вряд ли в одной части служить будем, раскидают по разным, как я понимаю. Пока же мы ожидали приказа на погрузку. У нас в академии никто не задумывался, как нас повезут, я думаю, новоиспечённые командиры, скажи им, и вприпрыжку рядом с поездом побегут, патриотизм просто зашкаливает. Я же, прикинув, посчитал, что могут и в теплушках перевозить, однако мои предположения были обмануты. К воинскому эшелону, явно грузовому, прицепили два плацкартных вагона. Командиры от лейтенантов и выше добирались до своих подразделений сами, на гражданских поездах, а вот сержанты и младший начсостав нет, тут всё по команде и строим, как простые красноармейцы. В один вагон мы с трудом уместились, в другом были сержанты из пехотного училища. Точнее, даже не уместились, четверо лишних оказалось, пришлось у соседей устраиваться.

Я занял верхнюю полку, чтобы не дёргали, сложил вещи и стал ожидать отправки. Наше купе через два от проводника, нужно ещё постельное бельё получить. Однако обломали, так поедем, на матрасе спать будем, хорошо хоть, подушки есть. Ничего, мы люди военные, нам не привыкать. Вон в мае перед выпуском целый месяц практика на танкодроме Кубинки была, изучали разные единицы бронетехники, там в палатках под шинелями спали.

Только тут парни и заметили музыкальный инструмент. Точнее, они его и раньше видели, но в суете прощания с родными не до того было – много москвичей среди новоиспечённых командиров – а тут наконец обратили внимание. Когда расселись и эшелон тронулся, прозвучал вопрос:

– Слав, ты чего, инструмент имеешь?

Сказано было с такими интонациями, что я насторожился. Меня и так блатным считали. Не многие наручные часы имеют, а у меня были «Командирские». Да и с разной мелочевкой порядок. Не все подобным могли похвастаться, а инструмент был дорогим. Зависть к буржую – вот что мне не понравилось в интонации.

– Это подарок, – погладив чехол по боку, пояснил я.

– И играть умеешь?

Другой сокурсник, хмыкнув, пояснил:

– Умеет. Вон как на баяне Сидорчука наяривал.

– Слав, сыграй, а? – попросил тот же завистник, но уже другим тоном.

– Чуть позже. А играть буду. Мне руки и пальцы разработать нужно, да и инструмент новый, я на таком ещё не играл. Немец.

– В смысле?

– В смысле из Германии он. В музыкальном продавались, вот мне в подарок и купили.

А чуть позже я исполнил с пяток песен, мелодии пока простые, руки разрабатывал. Устали пальцы быстро, будем больше играть. Всем понравились незатейливые новые для многих мотивы и песни, но дали отбой по вагону, так что легли спать.

Глава 2

Обманутые ожидания и первая стычка

Двое суток мы добирались до Киева. Сразу видно, что эшелон неспешный, зелёного света на пути не было. Часто на запасных путях стояли. Однако припасов хватило. Многие за водкой бегали на станциях, дежурные на это сквозь пальцы смотрели, но я не пил – один стакан, это мы обмывали звания, и на этом всё. Больше развлекал парней песнями. Я их сотнями помнил. Разучивал когда-то до тошноты и неприятия, сложно забыть теперь. Военных много знал, тем более что пел их в детдоме по праздникам, особенно в День Победы, но тут не исполнял, рано для них еще, а вот о жизни или любви – это легко. Пальцы пока разрабатывались, но уже замечаю, фальшивить стал меньше. Правда, и минусы были, пока исполнял, в наше купе набивалось народу до предела. Оказалось, я очень неплохо играю и, главное, пою. Голос у Глеба, а теперь и у меня, оказался чистым и очень хорошим. Мог исполнять в довольно широком диапазоне. Впрочем, в прошлой жизни у меня похожий голос был, потому так быстро и перестроился. Ломки голоса нет, пока не перетрудил связки, вот и набирался опыта, но если почую, что всё, хватит, – всё же связки не привычны к исполнению, – то закрою концерты.

Мы прибыли в Киев в десять часов утра, видимо специально так рассчитали. Наши вагоны отцепили, и эшелон ушёл дальше, а нас с пехотой строем направили к штабу округа. Вообще вроде как в училищах дают направление по местам службы, но у нас новообразованные курсы были, может, поэтому так? Да и пехота с нами. Довели до штаба и оставили ожидать рядом, в парке. Сопровождающие ушли в штаб округа, а чуть позже началось. Вызывали по десять человек, выдавали направление по месту службы и отправляли в свободное плавание. Мол, сами доберётесь, билеты у военного коменданта станции получите. Это вообще как? Я во втором десятке оказался. Направление в девятнадцатую танковую дивизию двадцать второго механизированного корпуса, что входит в состав Пятой армии Киевского особого военного округа. У меня двое суток, чтобы до части добраться. Так что, получив направление, попрощался с парнями и, прихватив вещи, направился к рынку. Нужно прикупить припасов. Денег, конечно, немного, но хватит взять те же пирожки в дорогу – НЗ тратить не хочу.

Уйти я успел недалеко. Услышав дробный перестук сапог, обернулся, приметив знакомых парней. Трое меня нагоняли. Оказалось, они тоже в девятнадцатую танковую направление получили. Причём один из трёх сержантов пехотинцем был, его в мотострелковый полк направили. Хорошая новость, до Ровно, где та расположилась, вместе будем добираться. Но сначала на рынок, не я один пустой и без припасов. Где рынок, мы узнали у прохожих, к слову, в городе было на удивление много мужчин в военной форме, но мы вполне вписывались в струю, хотя наша молодость и привлекала внимание. Видно, что только надели новую форму и получили первое звание. Парни, весело переговариваясь, так и шли за мной. Пацаны восемнадцати лет. Как их ещё назвать? На их фоне я выглядел вполне неплохо, они и в училище тянулись ко мне, чувствуя, что я старше их по жизни и опытнее. Двоих танкистов звали Сашка и Егор, а сержант из пехотного училища – Антон Сверин. Познакомились, пока шли. Денег было мало, у меня, по сравнению с остальными, крупная сумма, пусть и семьдесят рублей. Однако закупить припасов мы смогли. Взяли три десятка пирожков, буханку хлеба, шмат солёного сала и немного овощей – ехать-то всю ночь. На водку денег я не дал. Попили свежего пива из развозной бочки и, купив пять бутылок лимонада – чисто дети, направились обратно.

А на станции военный комендант, уже сильно уставший к полудню, не обнадёжил, подходящий поезд на Ровно ушёл. Только что.

– Товарищ капитан, а попутные эшелоны есть? – поинтересовался я.

– Эшелон стоит, – подтвердил тот, как будто я не видел, только вот охраняли его бойцы НКВД. – Не советую. Не возьмут. Я просить не буду, а вам откажут.

– Спасибо, товарищ капитан.

Не мы одни уехать не успели, таких молодых сержантов, да и лейтенантов, на вокзале хватало. В два часа ночи ещё один поезд будет, это запасной вариант, а пока мы прогулялись по путям к эшелону. Не знаю, что там везли, но в охране настоящие церберы. Нам отказали, правда, достаточно вежливо. Повздыхав, мы вернулись и, оставив вещи в камере хранения, направились гулять по городу. Денег особо не было, но на билеты в кино хватило. Мне понравилось. Этот, снятый в прошлом году, фильм я раньше не видел, назывался он «Гибель “Орла”».

Потянув время, вернулись на вокзал, забрали вещи и, поужинав в буфете, стали ждать дальше. Развлекать народ не пришлось, по радио передавали сборник классической музыки.

Когда прибыл поезд, по билетам прошли в вагон. Плацкартный, естественно.

В девять часов утра следующего дня (седьмого июня) я вышел из здания штаба нашей дивизии и поинтересовался у парней:

– Куда вас?

Те наперебой стали сообщать полки, на что я, кивнув, сообщил:

– Значит, мы втроём в один полк. Меня тоже в тридцать седьмой танковый направили.

Радости в моём голосе не было, новейших танков в нашей дивизии нет от слова совсем. Ни «тридцатьчетвёрок», ни КВ, что мы также изучали на полигоне в Кубинке. БТ разных версий да Т-26. Однако мне и тут не повезло. Ладно бы БА, эти броневики в принципе неплохи, при грамотном применении, но, чёрт возьми, я получил под командование химический танк! Огнёмётный, если проще. Тут степи вокруг, расстреляют до того, как я сблизусь и струю пушу. А учитывая слабую броню и баллоны с химической жидкостью, шансов уцелеть крайне мало. Нет, такие танки в городских боях королями бы стали, только я сомневаюсь, что до этого дойдёт. Не та местность. В первые дни все они будут потеряны от налётов с воздуха или расстреляны немцами.

Двое других получили назначения на Т-26. Считаю, повезло. Хотя кому как, вполне возможно, что Фортуна повернётся ко мне лицом, со мной такое не раз бывало. Вроде в гуано погружался, а оказывался в золоте. Это я образно.

Попрощавшись с остальными парнями, мы забрали вещи, сложенные в общую кучу, и направились прочь от штаба дивизии. Вещмешок у меня за спиной, на левом плече ремень аккордеона, на правом боку командирская планшетка висит. Не новая, заметно ношенная и потёртая, но вполне справная. Выиграл в карты у лейтенанта на вокзале в Киеве, пока поезд наш ожидали. Играли в подкидного по мелочи, но тот азартным оказался, а у меня математический склад ума, все карты помню. Тот честно отдал проигрыш и поинтересовался, как я выигрываю. Не скрывая ответил, что карты запоминал. Тот не обиделся, но больше со мной не играл. В планшетке, кроме бумажного свёртка с тремя пирожками, ничего больше не было.

Где находится полк, нам сообщили – в пятнадцати километрах от города в летних лагерях. Попутной машины не было – утром три ушло в полк, надеюсь, по дороге что попадётся. По пути мы посетили рынок, скинулись и купили сала кило, краюху хлеба, две луковицы и шесть варёных яиц. Пирожки брать не стали, надоели. Вот печенья пачку я приобрёл, обнулив наличность. Пачку убрал в планшетку. Надо бы фляжку купить, чтобы запас воды при себе иметь, но чего не было, того не было. Ладно хоть, одну бутылку из-под лимонада не выкинул. Воду налил на колонке, заткнув горлышко кочерыжкой, выпрошенной на рынке, а бутылку убрал в планшетку. Припасы сложили в вещмешок одного из парней, тот полупустой у него был. Так и двинули вперёд. На выходе из города нас патруль из комендатуры остановил, но документы были в порядке, поэтому отпустили. Чуть позже нас подхватил водитель «полторки», в которой колхозники ехали, но и для нас место нашлось. Повезло, семь километров проехали, считай половину пути. На перекрёстке нас высадили, указав, куда идти. Поправив навешенные на

себя вещи, мы двинули по обочине полевой дороги в сторону летних лагерей нашего полка. Шагая, обменивались шуточками, я анекдот рассказал, минут десять над ним ржали, повторяя некоторые обороты. Так бы дальше и шли, когда я негромко скомандовал:

– Ложись!

Вбитые рефлексы сработали, оба парня рухнули в песок следом за мной. Точнее, мы с сержантом Егоровым в пыльную траву на обочине, а Олег Васин – на песок, он по дороге шёл, а почва в этих краях в основном песчаная. Матерясь, я теребил лямки скинутого вещмешка. Наконец развязал, достал половинку бинокля и, встав на колени, стал рассматривать поворот дороги, что проходил у густого ельника. Пару минут назад я приметил, что мы догоняем какого-то командира, похоже лейтенанта, как и мы – из молодых. По форме понятно, кто это, – мы в красноармейской форме, а у того командирская, да и чемодан в руке. Парни тоже его видели, но нагонять мы не спешили, нам втроём веселее было.

Я заметил, как к командиру из ельника выходят трое. Оружия не видел, но то, что в гражданской одежде, это рассмотрел. И помня о бандитах в этих краях, среагировал вовремя. Повезло, что нас скрывала складка местности, прошли бы ещё метров сорок, и нас увидели бы. А то, что это бандиты, я в свой морской монокуляр теперь видел отлично – в руках оружие. Лейтенанта уже разоружили и связали руки за спиной, видимо сразу убивать не планируют, но тот новичок тут, значит, секреты никакие выдать не сможет. Скорее всего, измываться будут, когда ещё хватятся его. Тот, видимо, тоже это понял, толчком попытался сбить одного с ног, но получил рукояткой пистолета по голове и поплыл, поэтому в ельник его фактически потащили. Оказывается, четверо бандитов на дороге было, один сторожил, крутя головой, трое других лейтенантом занимались. И еще шевеление в ельнике я рассмотрел – значит, их больше. Убрав бинокль обратно, я достал наган, провернул барабан, подставляя под курок камору с первым из четырёх патронов, и сообщил парням:

– Бандиты дальше, пленили нашего командира. Звание не рассмотрел, но вроде лейтенант. Молодой. Оглушили его и тащат в ельник... Эх, всего четыре патрона.

– Откуда оружие? – поинтересовался Васин.

– Тебе больше делать нечего? Именно это интересует? – даже удивился я. – Находка со времён Гражданской. Солдатский, без самовзвода. Как чувствовал, что может пригодиться. Жаль, патроны ненадёжны, может быть осечка.

– Что делать будем? – поинтересовался уже Егоров – похоже, оба приняли моё командование.

– Командира нашего освободить. На стволы без оружия идти не хочется, но ельник густой, это даст нам преимущество. Значит, так, Васин, ты остаёшься тут с нашими вещами. Как подадим сигнал, подойдёшь с ними, – велел я, снимая планшетку – не хочу, чтобы мешала.

– Что за сигнал?

– Держи половинку бинокля. Как кто-то из нас выйдет на дорогу и помашет рукой, тогда всё в порядке. Если нет, значит, мы не справились. Остановишь любую машину, что будет проезжать, сообщишь, что произошло.

– А почему я остаюсь?

– Егоров в рукопашной лучше тебя. Кстати, держи нож.

Достав из-за голенища нож, протянул Егорову. Хотя что-то. После этого, укрываясь за складкой местности, фактически на карачках, мы вдвоём рванули в сторону ельника. Дальше упали в высокую траву и поползли вперёд. Полкилометра где-то ползти. У нас, конечно, были военные игры, и по-пластунски ползать учили, но мало, так что сильно запыхались, пока добрались до опушки. Рывком перебрались в тень ёлок и смахнули пот с лица, гимнастёрки промокли у обоих. Жарко, солнце палило. Он с ножом в руке, я с револьвером, так и стали красться вперёд. Я думал, что бандиты ушли в глубь ельника, но ошибся. Следы на мягкой почве были, но только в сторону дороги, осмотрели всё рядом, обратных не было. Они что, всё ещё там, на

опушке? В принципе, логично, не шумели, свидетелей нет, можно и не драпать куда подальше, а ещё кого-нибудь перехватить. Тут мы упали на землю и замерли, кто-то, шумно дыша и топая сапогами, бежал от дороги в нашу сторону. Шум приближался. Вот между ветвей ёлок мелькнул силуэт.

– Меняемся, – едва слышно скомандовал я, и мы, лёжа на опавших иголках, быстро обменялись оружием.

Напружинившись, я вскочил, сбивая неизвестного с ног ударом плеча, тот лишь хекнул, – то, что это бандит, я уже рассмотрел. Одежда гражданская, ремень с подсумками на животе, карабин в руках, причём старый, немецкий ещё, видимо, из вооружения Войска Польского. Такой мужичок, скинув оружие и ремень, становится обычным крестьянином. Не за что арестовывать. Я сбил ему дыхалку, и бандит теперь сипел, пытаюсь вздохнуть. Я же, упав ему коленями на грудь, вбил клинок в шею. Вытаскивать нож не стал, не хочу испачкаться. Так и стоял на бандите, пока тот дёргался и скоблил каблуками сапог по прошлогодним иглам.

– Ты как? – спросил я напарника, что стоял на коленях чуть дальше, пытаюсь унять приступы тошноты и стараюсь не смотреть на труп.

– Что-то плохо мне, – еле слышно прошептал тот.

– Ничего, – так же негромко ответил я. – Со временем привыкнешь.

– Тебе и привыкать не нужно. Не в первый раз?

– Да нет, в этой жизни как раз первый.

Это действительно так, а вот в прошлой жизни чужие жизни я обрывал. Как это ни странно, в России своими руками я никого не убил, а вот за границей бывало разное – и стрелять приходилось, и убивать. Ножом тоже резал. Бывало, и меня резали. В принципе, как боец я средний, но этого хватало. Нога укороченная подводила, специально заказанная обувь не сильно спасала. Вы даже не представляете, как я был рад, получив вполне нормальное тело, бегом занялся – это внове для меня, спортом тоже. В основном физкультурой в академии, но и этого немало. Ладно, сейчас не об этом. Напарника я заметно успокоил, вроде ровно стал дышать, так что слез с трупа, быстро отстегнул ремень и отложил его в сторону, к карабину. После этого быстро обыскал покойника, за голенищами левого сапога нашёл классическую финку. Отдал её напарнику, тому пригодится. По карманам мелочёвку проверил и обнаружил пистолет. Новенький ТТ. Это не командира ли пленённого? И запасной магазин тут же. Пистолет отдал напарнику вместе со вторым магазином, вернув себе наган. Нож окровавленный свой вернул, тщательно вытерев его и от крови. Хорошо, у меня рукава гимнастёрки закатаны до локтей, не запачкал. Нож ушёл обратно за голенище. Потом застегнул поверх своего ремня ремень бандита с подсумками, проверил карабин и револьвер и сказал:

– У меня пять выстрелов. Один из карабина, сразу откидываю его в сторону, и четыре из нагана. Надеюсь, патроны не подведут, так я смогу сделать выстрелы с максимальной скоростью. Противника желательно с первой же секунды задавить массированным огнём. Так меньше шансов к сопротивлению. Двигаться будешь в пяти метрах от меня по правую руку. И ещё, приказы буду отдавать на немецком. Это дезориентирует противника, посчитают, что немцы работают. Должно помочь.

– Понял.

– Готов?

– Да.

– Договоримся сразу: я стреляю первым, ты поддерживаешь. А теперь вперёд.

Держа оружие на изготовку, мы отошли от трупа и тихим шагом, пригибаясь, направились в сторону дороги. Стоило бы посмотреть, что в той стороне, куда этот бандит бежал, но рисковать не стал, думаю, там средство эвакуации, телеги или что подобное, наверняка и на охране кто-то есть. Командир может и не дожить до нашего возвращения. Поэтому я и решил

рискнуть, начав с боевой группы. Прошли мы метров двести, я шёл по следам бандитов – убитый мной тоже по этой тропке бежал, – а напарник – чуть в стороне.

Когда я рассмотрел движение впереди, то предостерегающе поднял руку. Жестом показав напарнику лечь, я пополз вперёд, тот повторил мои действия. К бандитам удалось приблизиться аж на десять метров, это просто отлично. Залёг под ёлкой, чуть приподняв ее нижние лапы, что касались земли. Насчитал я шестерых, седьмым был пленённый командир, которого явно пытали. Думаю, бандитов больше, должен же кто-то присматривать за дорогой. Указав на бандитов, я поднял три пальца и показал на напарника, который напряжённо смотрел на меня. Мол, твои трое, себе я остальных забираю. После этого достал наган и, положив его под руку, прицелился из карабина. Повезло, на траектории огня совместились тела двух бандитов. Крикнув по-немецки «открыть огонь», я выстрелил. Мощная винтовочная пуля легко пробила тела обоих, отчего те повалились. Один явно был убит, второй верещал, пуля через живот прошла. А я же, схватив револьвер, стал прицельно стрелять в оставшихся, слыша, как рядом частит пистолет напарника. У того опустел магазин, а я выстрелил всего дважды. Уничтожил свою третью цель и добил подранка напарника. Раненного мной в живот бандита напарник добил ранее. Вроде всех положили. Вскочив, я подбежал к стоянке бандитов и провёл контроль – добивать всего одного пришлось. Убрав наган в карман галифе, я расстегнул кобуру у одного из бандитов и достал старый парабеллум, у которого явно был справный хозяин, который следил за оружием. Запасного магазина в кармашке я не нашёл, но он в кармане пиджака оказался.

– Помогите лейтенанту, – велел я подбежавшему следом напарнику, который уже перезарядился. – Вооружись, а я пока проверю наблюдателя на дороге.

Лейтенанта пытали, срезали кожу с головы, часть скальпа успели снять. Связанный, с измочаленным кляпом во рту, он смотрел на нас с такой надеждой на залитом кровью лице, что мне даже немного поплохело.

Напарник остался резать верёвки, а я рванул дальше, внимательно поглядывая вокруг и держа пистолет наготове. Заметив в стороне движение – кто-то крался навстречу, – сразу присел и дважды выстрелил. Целился в корпус и попал – неизвестный, хрустя ветками, упал, но успел выстрелить в ответ. Пуля впилась в ствол у меня за спиной. Обойдя врага по флангу, я подкрался к нему сбоку и ещё дважды выстрелил, проводя контроль. Потом, сторожась, выбежал на дорогу. Оп-па, на месте, где мы оставили Васина, виднелась кабина грузовика. Увидев, что меня тоже заметили, помахал рукой над головой и побежал обратно. Добравшись до места стоянки, спросил у напарника, который отпаивал лейтенанта из трофейной фляжки:

– Как вы тут?

– Врач нужен.

– Там машина на дороге, забирайте вещи и идите, быстро довезут до части, там к врачу попадёте. А я пробежусь по следам, хочу глянуть, откуда бандиты пришли. Смотрите, не подстрелите меня случайно.

Осмотревшись – тут же и распотрошённый чемодан лейтенанта валялся, – я быстро обыскал ближайших бандитов. У одного почти такой же, как и у меня, наган обнаружил. Но офицерский – самовзводный. Совершил обмен и все патроны прибрал. После чего, прихватив брошенный мной же карабин, вставил в него патрон взамен потраченного и побежал по следам в глубь ельника.

Недолго бежать пришлось, уже метров через четыреста ельник начал светлеть, и я спустился в овраг. Тут стоял ЗИС, закиданный ветками. И часового нет. Хм, значит, бандиты на нём приехали. Осмотрел все вокруг. Судя по следам, восемь их и было, летучая группа – напакостили и укатили. Наверняка и документы на машину в порядке. Интересные находки в автомобиле оказались. Быстро сделал схрон под выворотнем, тут лопата из машины пригодилась, и побежал обратно.

На месте стоянки бандитов чемодана и наших уже не было, более того, даже оружие было собрано и карманы у трупов вывернуты. Да и затоптано всё вокруг. А меня ведь всего полчаса не было. Оружие я уже припрятал в схроне – и карабин, и пистолет с револьвером, так что спокойно вышел на дорогу. Свистом привлёк внимание, чтобы не подстрелили. Меня сразу опознали, и я подошёл к «полуторке», где бинтовали голову спасённому командиру. Здесь были мои напарники и ещё трое людей, один явно водитель, потом вооружённый карабином боец и командир, сопровождающий в звании техник-интенданта первого ранга (что соответствует званию старшего лейтенанта). Кузов у грузовика крытый, и что везут, непонятно, я лишь мешки рассмотрел.

Подойдя к машине, я козырнул и обратился к интенданту:

- Товарищ техник-интендант первого ранга, разрешите доложить?
- Докладывайте.

Вот я и доложил, как приметил нападение на нашего командира и как мы его освободили, под конец сообщив:

– ...уничтожив наблюдателя у дороги, решил проверить, откуда пришли бандиты. Мной был обнаружен грузовик «ЗИС-пять» с крытым кузовом, закиданный ветками и замаскированный. Бандитов, судя по следам, было восемь, все уничтожены. Доклад закончен, доложил сержант Бард.

Оказалось, тело наблюдателя не обнаружили, в стороне прошли, остальные трупы видели, оружие собрали. В общем, интендант решил оставить меня тут, с бойцом для охраны, а сам он отвезёт раненого и моих напарников в полк. Затем сюда прибудет особист, который должен всё зафиксировать. Я согласился, но вещи свои увезти не дал, забрал вещмешок с аккордеоном и планшетку.

Машина, тарахтя мотором, укатила, а мы, устроившись в тени, стали ожидать. Я лежал и, покусывая травинку, расспрашивал бойца о службе в полку. Тот был из комендантского взвода и сопровождал начпотылу. Особо о службе не говорил, секретность вокруг, шпиономания поголовная, а я пока ещё не свой. Но некоторые байки рассказал. Мы и пообедали вместе, когда время наступило. У него в сидоре паёк был, а я выложил на общий стол печенье, но и то неплохо – заморили червяка.

Особист в звании младшего политрука приехал через сорок минут в сопровождении отделения бойцов. Вскочив и доложившись, я начал показывать, что, где и как происходило, показал, где лежит тело наблюдателя, которое сразу стали обыскивать, потом место стоянки, где пытали лейтенанта, ну и где машина бандитов стоит.

Почти два часа убили. Водитель «полуторки» завёл грузовик бандитов и окольными путями выгнал на дорогу. В кузов ЗИСа все восемь тел и погрузили. За руль машины бандитов особист сам сел, видимо, другие управлять не умели, а мне не предложил. Впрочем, я к нему в кабину залез, и мы общались всю дорогу до самого места расположения полка.

Там стояли многочисленные палатки, часть была укрыта на опушке довольно большой рощи, другие стояли открыто, также была стоянка техники, ряды танков и пушек. Что удивительно, в стороне пасся табун лошадей. А вот машин было мало, «эмку» приметил и с пяток грузовиков разного типа, но для полка это ничто. Я читал, что армейские машины направляли в колхозы для оказания помощи, видимо, и тут так же было, машины-то есть, но одолжены кому-то. А лошади, скорее всего, для пушек. Интересно, как они за танками поспевают? Меня высадили, и я с вещами прошёл к большой палатке штаба полка. Там и встретил сразу всех командиров. Несмотря на субботу, их собрали, всё же такой случай – нападение на командира. Забрав мои документы, посадили писать рапорт. Попутно я узнал, что назначение получу в понедельник, тогда и с экипажем познакомят. Вообще кадрированных частей тут мало, и, проведя мобилизацию, в случае войны их пополняют призывниками из ближайших военкоматов.

Там уже знают, кого куда. То есть да, часть техники стояла без полных экипажей – один-два бойца, что поддерживали технику на ходу.

Десяти минут мне хватило, чтобы написать рапорт, его завизировали и помдежурного сопровождал в палатку, где уже отдыхали мои попутчики-сержанты. Койку получил, пусть и временную, постельное бельё, и направился к кухне – оказалось, мне оставили обед. Поел, после чего сходил к озеру, искупался и вернулся в палатку. Форму сдал в стирку, после прошедшего боя это было необходимо, хотя кровь на нее и не попала, но извазюкался в песке и смоле. Новенький комбез старшина выдал, записав его за мной, пока в нём похожу. Вообще-то комбезы у танкистов двух цветов. Считается, что чёрные у ремонтников, синие у самих танкистов. Однако по опыту знаю, что какие выдадут, такие и носят. Мне чёрный выдали. Это ещё не всё. Раз я командир огнемётного танка, то мне положен специальный огнеупорный комбинезон с пропиткой, он серого цвета, покрытие блестит, как у клеёнки. Долго пламя не держит, но выбраться из танка можно успеть, шансы повышаются. Но мне выдали обычный. Наверное, то, что положено по штату, чуть позже дадут, когда приму под командование свою первую машину. Да, документы и удостоверение мне не вернули, видимо, в понедельник отдадут, так что расположение полка лучше не покидать. Хорошо хоть, озеро находится на территории. Вечером после ужина ещё раз искупаюсь. На довольствие меня поставили, в списки личного состава полка вносят, будем ждать. Сегодня отдохнуть дали, а вот с понедельника заступаем на дежурство, нас поставят в очередь. Уверен, как самых молодых вперёд по графику выдвинут.

Глава 3

Неожиданный поворот

Двое суток пролетели как миг. Отдыхали, в волейбол играли, по утрам физкультура для всех, с этим в полку строго. Меня последним в штаб вызвали, когда уже одиннадцать часов было. Обоих напарников назначали на должности, как они и ожидали, получили по пушечному Т-26, сейчас их сопровождают в роты, где они служить будут. У парней не только роты разные, но и батальоны. Затем вызвали и меня. Сначала командир полка поблагодарил за помощь в спасении командира из их полка, тот, кстати, отпусником был, а так с прошлого года служит. Благодарность с занесением в личное дело, приказ уже отправлен. Однако наградили меня не этим, направили также командовать пушечным Т-26. К слову, в полку только эти танки и были, даже химические на их базе, плюс несколько пулемётных, так что выбор невелик, но пушечные тут одни из лучших. Главное теперь, чтобы машина не проблемная попалась.

Сопровождающий довёл меня до расположения нашего батальона. Васин тут же служит, только в другой роте, я познакомился с комбатом, после чего мне показали машину и познакомил с экипажем. Тут только командира не хватало, механик и башнер имелись. Мехвод красноармеец Жилин и башнер красноармеец Бухов, оба прошлого года призыва, хоть немного, но службу знают, как и свою машину. Их командир этой весной демобилизовался.

Вот так я и приступил к службе. Танк не новый, линейный образца тысяча девятьсот тридцать третьего года, самый массовый вариант, с малым ресурсом, с приёмником, но без нормальной рации. Пришлось изрядно поработать, чтобы привести его в порядок, благо проблемы с материальной частью и запчастями удалось решить, зампотылу оказался неплох. Ладно это, но на меня ещё два танка нашего взвода повесили, что не имели полных экипажей. Всего во взводе пять танков одного типа, но, чёрт возьми, разных заводов, а это значит – запчасти не подойдут, после боя не снимешь с подбитого. Был ещё старший сержант, командир танка, из старослужащих, он за своим следил и ещё одним, который командира взвода. Тот лежал в госпитале с банальным аппендицитом. В общем, я серьёзно насел на зампотыла батальона, и постепенно все три танка вводились в строй. Теперь есть шанс, что они не сломаются на дороге и их не придётся бросать на обочине. Опасность для них одна – люфтваффе.

Старший сержант Окулов, именно так, через «о», старослужащий во взводе, замещал командира, вот он и гонял меня как молодого. Делать нечего, служба есть служба. Так всё и шло к двадцать второму июня.

Полк так и не покидал летние лагеря. Какие учения и тренировки? Людей особо нет, и полк был небоеготовым, если честно. Нет, если война и проведут мобилизацию, то за сутки все будет в полном порядке, но пока не готов. Это все понимали. Не в одном нашем полку так. В принципе, особо меня это не удивляло, я готовил свой экипаж – парни молодцы, рвали жилы и повышали свой опыт. Мы часто сидели в танке, в основном по утрам и вечерам, когда железо остыло и внутри не духовка, и тренировали взаимодействие – было видно, что получается.

Это всё суета привычная, но я размышлял о другом – о письмах, что отправлял в Кремль на имя товарища Иванова (псевдоним Сталина). Должно же быть хоть что-то, хоть какое-то шевеление, которое я засеку? Но не было ничего подобного, всё шло как обычно, как в прошлом, что я помню. Неужели письма не дошли?

Сегодня двадцатое июня, я отдыхал со своим экипажем в тени танка после завтрака, лёжа на траве, когда заметил, что к нам направляется полковой особист. Он вообще ко мне пытался подкатить с претензиями, мол, слишком спокоен я был, пока бандитов убивал, вот я и рассказал о своей атараксии, пояснив, что это такое. Отстал, видимо, у врачей решил собрать информацию и получил её, раз больше не вызывал. А тут снова чего-то нужно. А насчёт того,

что приказы на немецком отдавал, объяснил военной хитростью. Откуда у меня оружие было, не спрашивал, видимо, решили не заострять внимание. Куда делось? Написал в рапорте, что бросил рядом с бандитами, боезапас закончился.

– Смирно! – скомандовал я.

Мы вскочили, и я доложил, что работаем по распорядку, сейчас у нас по расписанию теоретический обзор по ведению боя с закрытых и замаскированных позиций.

– Вольно, – махнул тот рукой и спросил: – Сержант, вам известны танки типа «Клим Ворошилов»?

– Я бы не сказал, что хорошо, но помогал механикам ремонтировать «единицу». Мы ему и двигатель поменяли, ресурс там в ноль ушёл. Также за штурвалом около десяти часов провёл на самом танке и плюс двенадцать на тягаче-эвакуаторе на базе КВ. Это на полигоне было.

– Да, так мне и сообщил Васин. Он ведь из одной с вами группы?

– Так и есть, товарищ младший политрук.

– Я оформил вам командировку, получите паёк, машина ожидает у штаба полка. Двадцать минут вам.

– Есть, – козырнул я и, отдав экипажу распоряжения, рванул в сторону палатки старшины. Так, как был, – в комбезе, с наганом на ремне (как я и думал, его и выдали) и шлемофоном на голове.

Получив у старшины новенький сидор с пайком на двое суток, видимо, на столько командировка и предполагается, я добежал до нашей взводной палатки, забрал свой вещмешок и вскоре оказался у дежурной машины. Мы сразу рванули прочь. В открытом кузове я один был, особист в кабину к водителю сел. Ехали не так и долго, уже через полчаса спустились в низину, где застряла громада КВ-2, скрытого чехлом. Задача была вытащить машину, помочь парням из другой танковой дивизии, а дальше те перегонят его к месту дислокации сами. Все оказалась сложнее. Танк не только застрял, но и движок у него стуканул, дав клина. Ждут новый, как и тягач. Моя задача – помочь ремонтникам, раз знаю эту машину. С Финской КВ на вооружении, а из-за секретности танкисты с ним до сих пор не знакомы. Вот уж бред. Да, я слышал байку, что их заправляли бензином, а не соляркой, но мне кажется, это именно байка.

Пришёл тягач с краном, а чуть позже и двигатель привезли. Работали до упаду, но за сутки всё поменяли. Секретность навели серьёзную, за нее особист ближайшей части отвечал, то есть нашего полка. Я даже не знаю, из какой дивизии эти танкисты и куда они гонят новую технику. А перегоняли ночью, явно из Ровно, под охраной и скрытой под чехлами. Судя по следам, тут несколько танков прошло, больше трёх КВ точно, но сколько, не скажу, да и не интересовался. Особист бдит, носится вокруг, пугает всех, кто к нам приближается. Целый взвод стрелков на охране. Однако все сделали, танк выдернули, тот, пыхтя от натуги, поднялся на склон и покатил дальше, а я уснул прямо в кузове «полуторки». Это был вечер двадцать первого июня.

Когда в полк прибыли, отдал комбез стирать, как и исподнее, проверил все вещи и отправился спать. А утром проснулся от грохота близкой бомбёжки, отчего полог палатки трясся как сумасшедший. Так началась война, которую я ждал и не желал её.

Мои письма, похоже, не дошли, даже не помогло то, что в каждом последующем указано, в какой ящик и когда опущено предыдущее. Не знаю, в чём я ошибся, но факт остаётся фактом. А ведь времени должно было хватить проверить информацию. Хотя бы по залежам нефти в Татарстане, золоту и алмазам в Сибири.

Вскочил, откидывая тонкое одеяло. Спал я нагишом, и мне было пофиг, что в палатке три десятка занятых коек и два взвода разместились, после того, что пришлось выдержать с КВ-2, с тем авралом, что был, я вообще никакой. Хорошо, сил хватило отмыться.

И да, душевых тут нет. Хочешь помыться – озеро под боком. А у песчаного пляжа бьют ключи, и вода там ледяная. Уже давно вырубил в стороне камыши, сделали спуск к воде с

мостками, там вода теплее. Но я поленился с усталости туда идти, зато взбодрился в холодной воде, щёлочью отмывая следы масла с рук. Сейчас же, как и все, вскочив с койки, прислушался к близкой бомбардировке, рёву моторов над головой, пулемётным очередям и заорал:

– Покинуть палатку! Залечь, ожидая окончания бомбардировки!

Схватив в охапку вещи, которые вчера специально заготовил, я одним из последних покинул палатку, и вовремя, чуть позже та сложилась от удара взрывной волны и обзавелась осколочными и пулевыми отверстиями. Один из штурмовиков прошёлся пушками и пулемётами по палаткам. Глядя, как горят несколько танков на стоянке и ещё несколько лежат на боку – прицельно бомбы сбрасывают, гады, я только обматерил немецких лётчиков. Среди лежавших на боку был и мой. После подобного ремонт там нужен более чем серьёзный и не на один день. Рухнув в траву чуть в стороне, я переждал, когда надо мной пройдёт очередной бомбардировщик, и, вскочив, рванул к роще. То, что я обнажён, мне нисколько не мешало. Удивительно, но факт, в полку даже среди прачек не было никого женского пола. Пять дней назад в полк прибыл военфельдшер, я сразу же рванул на него смотреть, но и он мужиком оказался. Кстати, парни из моего экипажа не потерялись в панике, а держались рядом со мной. Мы впятером забежали в рощу и укрылись среди деревьев. С нами ещё двое прицепом шли, видимо, заметили, что мы панике не поддались, и решили поблизости держаться.

– Одеться, – велел я.

Хм, только мой мехвод форму прихватил, хотя вот сапоги забыл. Комбез я сдал в стирку, надел свою форму сержанта. Сапоги натянул, портянки свежие, как и комплект нательного белья. Это запасной был, основной-то в стирке, как и комбез. Пилотку пока убрал в сидор, а надел шлемофон. Проверил документы в кармане гимнастёрки: удостоверение командира и корочки комсомольца. Планшетку на бок, ремень с наганом застегнул. Помимо аккордеона при мне ещё два сидора было. Один мой, второй тот, что мне выдали с пайком. Самого пайка не было, съели всё, пока танк ремонтировали. Так что я сложил его и убрал в свой вещмешок. К слову, мне как командиру танка не всё выдали, что требуется. Дали много что, даже круглый армейский котелок и ложку, но я не получил бинокля и планшетки с картой. Мол, нет в наличии. Ладно, планшетка своя есть, с ней ходил, а за бинокль половинка морского. К слову, когда подкрашивали танк, я закрасил зелёным латунные части бинокля, теперь хоть демаскировать не будет. В будущем краска облупится, грунтовку сперва наложить нужно было, но пока и так нормально.

Проверив наган, убрал его обратно в кобуру и, прислушивавшись к близким пулемётным очередям, проворчал:

– Проснулись.

Это я о двух установках счетверённых пулемётов, что были размещены в кузовах «полоторок», которые стояли у штаба. Они открыли огонь только сейчас, когда немцы, завершив работу, уже удалялись.

– Встаём. Немцы убрались. Сейчас наша задача – помочь раненым. Дальше как командование решит.

Паники и неразберихи хватало, но постепенно они сходили на нет. Я же, командуя, смог создать островок спокойствия, стали сносить туда раненых. Медики, те, что выжили, когда бомба ухнула у их палаток, оказывали раненым срочную помощь, чтобы те кровью не истекли. Пять машин с ранеными направили в Ровно, в медсанбат. Там разберутся, кого куда. У нас же шло распределение танков среди выживших. Мой осмотрел инженер и признал повреждённым. Нам с мехводом достался ХТ-26, а так как это машина для экипажа из двух человек, наш башнер направился усиливать другой экипаж. Танк был на ходу, но осколок бомбы пробил броню с левой стороны. К счастью, других повреждений танк не получил, не считая согнутого рычага управления. Осколок выбросили, отверстие заткнули тряпкой, мы перенесли и сложили на корме танка свои вещи, после чего принялись за заправку баков и огненной смеси, да и

патроны к пулемёту получили – кроме огнемёта в башне ДТ был установлен. Кроме машин дежурного взвода, танки, имея полное вооружения на борту, не имели боеприпасов и топлива, всё было изъято – по технике безопасности. В других частях было несколько случаев возгорания танков из-за разных неисправностей, и от взрывов пострадали соседние, вот и поступил такой приказ. Действует он уже два года.

После заправки я добежал до палатки интендантов, её только пулями слегка побило, а так на месте стояла. Стал требовать специальный огнеупорный комбинезон. Вообще-то это жуткий дефицит, но я знал, что у интендантов они есть. К счастью, те пока не при шли в себя, и я смог получить то, что хотел. Сразу натянул его поверх формы – как раз по размеру. А мехводу чуть позже отнёс. Правда, ему достался повреждённый, одна штанина пулей была пробита, но тот не расстроился и тоже комбез сменил. Вместе мы набили патронами пулеметные диски. То, что осталось, это около трёх сотен патронов, убрали в мой запасной вещмешок, туда же десять гранат Ф-1 положили (запалы отдельно) и пять пачек патронов к наганам – мы с мехводом одинаково вооружены были.

Все боеготовые танки приказали перегнать к дороге, что вела на трассу Ровно – Луцк, там стали формировать новые подразделения. Мой вошёл в отдельную роту огнемётных танков – всего семь машин набралось, что были на ходу – командование принял старший лейтенант Фёдоров, командир роты боевого обеспечения полка. Экипажи выстроились у своих танков, и комиссар закатил речь на полчаса, говорить он умел, как и зажечь злость на вероломного врага. Я сам с интересом слушал.

Когда поступил приказ «по машинам», мы с Серёгой Жилиным быстро устроились в танке и, включившись в колонну, направились куда-то в сторону границы. Я сидел в открытом люке, свесив ноги внутрь башни. Хорошо, что очки выдали вместе со шлемофоном, они спасали от пыли, что стояла над колонной. Глянув на часы, определил, что покинули мы расположение в час дня. Завтрака не было, а вот обедом покормили, горячим, прямо с кухонь – суп был рисовый с рыбой и свежий хлеб с чаем, второго не было. Еще на три дня сухая выдали каждому экипажу.

Длины шнура шлемофона не хватало, чтобы подключиться к оборудованию внутренней связи. Да даже если бы и хватало, то подключаться не к чему – оборудование было изъято, видимо на ремонт. Поэтому мы с мехводом договорились о сигналах. Хлопаю его по правому плечу – повернуть направо, по левому – соответственно налево. Бью по спине – дать максимальный газ. По голове хлопаю – стоп машина. Пока хватит.

Я ехал туда, где приму свой первый бой. Надеюсь, что доедем и будет бой, а то движок что-то подозрительно постукивает – можем попросту встать на дороге. Достав из сидора половинку бинокля, убрал его в планшечку – комбинезон карманов не имел. Внимательно наблюдая за небом, я видел самолёты, пролетающие в стороне, монокуляр показывал, что это немцы. Только один раз наши прошли. Чую, скоро налетят.

Двигались мы около часа. Я уже видел, как встали два танка из-за поломок, один из них парил, вокруг сутились экипажи машин. Вроде в хвосте колонны ремонтная летучка на базе «полуторки» едет. Может, помогут, введут в строй. Однако наш танк пока уверенно пёр вперёд. Что вообще это за машина? Переделка из двухбашенного пулемётного танка в огнемётный. Одну башню сняли, там теперь люк для загрузки боеприпаса и огненной смеси. В оставшейся башне разместили пусковую установку и оставили пулемёт. Там стало тесно, но, в принципе, в башне я помещался, вести бой можно. По боеприпасу скажу так: тысяча пятьсот двенадцать патронов к ДТ, ровно двадцать четыре диска. Дальность огнеметания смеси из мазута и керосина – тридцать пять метров. Количество односекундных выстрелов – семьдесят. За один выстрел под давлением сжатого воздуха выбрасывалось пять литров огнесмеси. Поджигалась смесь от факела горящего бензина, а бензин – от электрической запальной свечи. Проверка показала, что всё работает штатно. Ходовая у танка убитая, гусеницы «лысые», в

любой момент можем потерять – Жилин сказал, много изношенных траков и пальцев, движок стучит, но пока двигаемся.

Так мы и катили до трассы Ровно – Луцк. Она оказалась забита. Никаких регулировщиков на перекрёстке, поэтому колонна наша, поворачивая, двигалась по обочине, а не по самой дороге. Начали встречаться следы бомбёжек и исковерканные куски металла, ранее бывшие автомобилями. Скелеты сгоревших. Похоронные команды копали братские могилы чуть в стороне от дороги, снося туда павших. Санитарные колонны попадались на пути. Временами встречались брошенные танки, только у трёх были экипажи, что ждали ремонтников. Присмотрел брошенный Т-28 – у нас в дивизии таких машин нет. Да и тактический знак на башне свидетельствовал, что машина из танковой бригады.

Так и двигались, пока я не заметил, что на нас заходят восемь «лаптёжников», я их по неубирающимся шасси узнал. Кстати, летний лагерь нашего полка бомбардировщики разнесли, штурмовиков там не было. А по палаткам истребители прикрытие били, штурмуя. Ошибся я тогда.

– Воздух! – крикнул я и тут же ударил носком сапога по спине мехвода и нажал подошвой на правое плечо. Мы по обочине с правой стороны трассы двигались.

Движок тут же взревел, и танк, набирая скорость, начал поворачивать, уходя в поле и давя урожай местного колхоза. Как назло, открытые места вокруг, степи, укрыться негде. Многие экипажи повторили наш манёвр, кто-то не стал, бросая машины и разбегаясь, но град бомб уже обрушился на колонны, что двигались по дороге. Спустившись в башню, я изогнулся и крикнул мехводу в ухо:

– Скинь скорость, движок подозрительно стучит. Немцы пока колонну бьют. Двигайся зигзагом.

Тот лишь кивнул, показывая, что слышал. Скорость действительно сбросил. Устроившись на сиденье командира и наблюдая, как крутятся в синеве неба штурмовики, я ожидал атаки. Вот несколько «лаптёжников» начали охотиться на одиночные машины, обстреливая их из пушек и пулемётов. К счастью, нами никто не заинтересовался, но на поле запылали три костра. Над одним из танков факел был просто огромный, это горела огнёмётная машина. Когда колонну наконец собрали и я вернул танк на своё место в строю, то узнал, что в роте уцелело всего три танка, мой четвёртый. Однако нас торопили, поэтому, оставив повреждённые машины, мы направились дальше.

В дальнейшем я поступал так же: когда видел, что нас собираются бомбить, сразу уводил танк подальше от дороги. Ещё три бомбёжки мы пережили. Во время одной из них одинокий «мессер» всё же пытался нас погонять, но нам удалось избежать прямых попаданий. Пару раз пули били по броне, но уходили в рикошет. Повезло. Правда, мы разулись – лопнул всё же один трак на левой гусенице. Час убили на ремонт и помчались нагонять наших, войдя в колонну ещё из трёх танков – те тоже нагоняли своих после ремонта.

Там и вечер наступил, не успели мы сблизиться с противником до темноты. Регулировщик на дороге направил мой и ещё один танк в сторону леса, у нас тактические знаки одной дивизии были – девятнадцатой танковой. Там я и обнаружил свой полк, так что мы поставили машину в расположении нашей роты, к вечеру от неё всего три машины осталось, моя третья. Ужина горячего не было, пришлось паёк использовать. Даже ели на ходу. Сначала я ел, сидя в башне, потом поменялся с Жилиным. Мне тоже нужен опыт управления танком, поэтому в дороге мы менялись – полтора часа мехвод за рычагами, полтора я. К слову, на место стоянки мы заехали с полными баками, хотя должны были быть с практически сухими – слили с брошенных. Почему-то об этом никто не задумывался. И что вы думаете? Топливо так и не подвезли. Отбыли ко сну, устроившись под танком.

Утро встретило нас в том же лесу. Позавтракали, кухня всё же прибыла утром, была гречка с тушёнкой, чуть подслащённый чай и душистый белый хлеб. Это редкость, обычно у

нас ржаной. После завтрака пошёл крик по стоянке, командиров танков собирали у машины командира полка. Его «двадцать шестой» стоял метрах в ста от нашего, рядом с двумя грузовиками с зенитками. Это всё, что осталось от зенитной защиты полка, а было в наличии шесть единиц. Мало, но и их потеряли во время марша.

Собрались, я тоже стоял в толпе, изредка морщась и потирая колено – стукнулся, когда из танка выбирался, для танкистов обычное дело в синяках ходить и с отдавленными пальцами, так что на меня особо не обращали внимания. Шёл опрос по состоянию машин и наличию топлива, начальник штаба записывал.

– У меня «химик». Полный боекомплект и полные топливные баки, – сообщил я, когда дошла очередь.

Мой ответ тут же привлёк всеобщее внимание. Как-то разом все в изумлении повернулись ко мне. Осмотревшись, я с некоторым удивлением поинтересовался:

– А вам что, брошенные танки не встречались? Слил. Была бы моя воля, я бы ещё гусеницы сменил, у меня изношены, вот-вот слетят. Точнее, рвал уже. Жаль, лимит времени, а то бы поменял «резину».

В общем, с части танков слили бензин, с моего аж половину, но наскрести смогли на двадцать две машины, остальные оставались тут – ожидать, когда подвезут топливо. Этим начальник штаба занимался. Наш комбат тоже оставался. Мы же, выстраиваясь в колонну, покидали укрывший нас на ночь лес и возвращались на трассу. Луцк мы ещё вчера проехали, и я был уверен, что уже сегодня мы повстречаемся с немцами и начнутся первые боестолкновения. Главное – дожить, а то авиация противника вообще обнаглела. Сегодня утром, в восемь часов, мы видели воздушный бой. Три наших «ишачка» спустили двух «Дорнье», ещё три бомбардировщика уходили к себе с дымами. Потерь наши соколы не понесли, мы радовались как дети, кидая шлемофоны в небо, провожая наших ребят.

Вчера мы видели четыре воздушных боя, но таких результатов еще не было, во всех четырёх наши соколы несли потери. В одном бою так потеряли все истребители. Только двое летчиков смогли спуститься на парашютах, остальные погибли.

Чем дальше, тем ближе становились дымы на горизонте, и уже стала слышна артиллерия, проехали мимо разбомблённой гаубичной батареи – значит, фронт действительно близко. Когда над головой у меня пронеслась очередь трассирующих пуль, я нырнул в люк башни, сообщая мехводу:

– Передовая близко.

Вдали виднелась окраина какого-то села, полускрытого яблоневыми садами. И похоже, в селе немцы – на подступах горело несколько наших танков. Я на ходу пытался присмотреться в свой бинокль, но тряска мешала, не уверен, но вроде и убитые красноармейцы там были на поле. Да, в этом неизвестном мне селе явно засели немцы. Впереди по дороге располагались позиции наших бойцов, что заканчивали окапываться, а наша колонна свернула к строениям колхоза, каким-то коровникам и свинарникам. Тут нас и накрыли артиллерией. Уверен, корректировщик на колокольне устроился, оттуда вид закачаешься, наши тылы на десятки километров видно. Били по нам из чего-то не очень крупного – скорее всего, это лёгкие полевые гаубицы. У немцев их немало. Было повреждено два танка, один полыхнул. К счастью, экипаж успел покинуть машину, помогая своему раненому мехводу, а мы укрылись за постройками, которые немцы стали с маниакальным упорством разносить снарядами. Видимо, проблем с ними у противника не было.

Сидя за рычагами – сейчас моя очередь была, – я поставил машину впритирку к крепкой стене коровника из красного кирпича, рядом ещё несколько наших машин уместилось, остальные за другими подобными постройками укрывались. Командир полка ушёл к командованию дивизии, что тут оборону держала. Оказалось, тут же в коровниках и штаб стрелкового корпуса был.

Оставив Жилина осматривать ходовую, я забрал наши пустые фляжки, к сожалению, больше ёмкостей для перевозки воды у нас не было, плюс котелок прихватил и побежал к пруду. Он на открытом месте, но из пулемёта не достать – до окраины села, где засели немцы, было чуть больше двух километров. Напившись и наполнив фляги, не обращая внимания на редкий свист пуль, что пролетали над головой, приметил в камышах местных мальчишек и, подойдя ближе, подозвал, чтобы выбрались.

– Сержант Бард, – козырнул я и уточнил на всякий случай: – Вы из села?

Кроме детей там было несколько женщин и девчат, что прятались в камышах. Оказалось, местных только трое, остальные беженцы. Им я посоветовал уходить как можно быстрее, надолго мы немцев не удержим, но потерь постараемся нанести побольше. Именно с местными, что затемно пришли на пруд на рыбалку – он единственный крупный водоём вблизи, – я и пообщался. Надо сказать, поговорил очень даже продуктивно. Немцы ворвались в село часа два назад, выбив немногочисленные воинские, в основном тыловые, подразделения, и стали укрепляться на окраине. Рыбаков было семеро, четверо убежали домой, а эти трое остались, не понимая, что матери о них беспокоятся. Было две попытки выбить немцев из села. Обе закончились трагично, большими потерями. Семь танков застыли разбитыми тушами. С учётом того, что все они были лёгкими, ничего удивительного. Закончив разговор, я набрал в котелок свежей воды и вернулся к своей машине. Кстати, у нас трое раненых появилось, пули на излёте поймали, немцы всё же стреляли по водоносам. Один убит, пуля в голову попала.

Убрал фляжки в машину. Передал Сергею котелок, полный воды, и, пока тот жадно пил, выдал некоторую информацию:

– У немцев на окраине точно противотанковые пушки есть, они из нас дуршлаг сделают. Атаковать в лоб смерти подобно.

– Что делать будем? – вытирая губы и вытряхивая из котелка последние капли, поинтересовался мехвод.

– Есть одна идея. Пацаны из села подсказали, что в той стороне проходимый овраг есть, идёт мимо села, с левого фланга, зато, поднявшись наверх, до окраины метров пятьдесят будет, рывком доберёмся, а дальше будем жечь все, что увидим. Но осторожно, не стоит забывать о жителях села.

– А овраг не заминирован?

– Когда бы они успели? Заслон наверняка есть с пулемётом, но мы его вполне сметём... О, вызывают командиров машин. Ну всё, я на совещание, думаю, сейчас приказ на атаку получим.

Добежав до строя командиров, я выслушал, что вскоре мы атакуем село. Как я и думал, в лоб. Заодно интересовались, сколько топлива осталось.

– Километров на сорок, товарищ подполковник, – доложил я комполка. – Товарищ командир, есть свежая информация. Узнал от жителей села. Тут овраг от пруда начинается. Проходит мимо села, там можно укрыться от губительного огня противотанковых пушек противника. Выйдем во фланг, там метров пятьдесят до села от оврага, и атакуем.

– У нас приказ ясный: атаковать по полю. Выполнять, – с хмурым видом бросил тот.

– Есть, – козырнул я.

Что мог, я сделал, но у меня звание слишком мало, чтобы отдавать приказы и продавливать своё решение, однако комполка под конец добавил, чтобы мы «действовали по обстановке». А мне обстановка говорит, что нужно идти оврагом. Да и жить хочется. Фортуна моя – девушка, конечно, капризная, но так вот запросто не помогает. На диване не полежишь, получая выигранные призы и бонусы. Нужно самому стараться. Без труда и своего ума мне ничего не добиться. А она уже поможет, где нужно. Опыт прожитой жизни подсказывает.

Глава 4

Первый бой

Получив приказ, командиры разбежались по своим машинам, готовя их к бою. Пока я снимал чехол со ствола огнемёта – а как же, пыль забьётся, и при выстреле огонь пойдёт обратно, – а мехвод вкручивал запалы в гранаты, поведаль, что приказ поступил.

– Значит, атакуем, – сделал тот вывод.

Мы устроились в машине, я разложил гранаты, чтобы были под рукой, взвёл затвор пулемёта, приготовив его к бою и открыв вентили баллонов со сжатым воздухом и горючей смесью, пронаблюдал, как поджиг зажигает факел. После чего его потушил.

– Не совсем, идём оврагом.

– А как же приказ?

– Комполка велел действовать по обстановке. Я вижу обстановку, нужно идти по оврагу.

– Под трибунал попадём.

– Беру ответственность на себя. Ты выполнял мои приказы, так что не волнуйся. Кстати, запускай двигатель.

– Да я не про это, если уж виноваты, то обоим отвечать.

– Победителей не судят, так что стоит выполнить приказ и ворваться в село. Поэтому всё зависит от тебя. Главное, чтобы машина не подвела.

– Я постараюсь. Движок постукивает, но ещё живой. Только сразу говорю, командир, если долго на предельных оборотах будем двигаться, точно запорем.

– Вот и следи, чтобы с ним всё в порядке было. О, приказ на выдвижение. Постараемся уйти на левый фланг, поближе к оврагу.

Танки, дымя выхлопами, стали покидать укрытия, артиллерия уже полчаса как перестала их обстреливать, но ещё горели обвалившиеся крыши. На месте стоянки осталось три танка, они были повреждены осколками, так что всего четырнадцать нас в атаку выдвинулось. Мне удалось переместить машину на край левого фланга, но пока что мы двигались в общем строю. Как я отметил, про овраг советские командиры всё же знали, там на дне разместились миномётная батарея – батальонные подносы, а чуть дальше его перекрывал станковый пулемёт ДС с расчётом. Немцы пока не стреляли, только гаубичная батарея открыла беспокоящий огонь, судя по количеству разрывов после первого залпа, на батарее пять орудий. Немцы на окраине села пока молчали, мы не вошли в зону уверенного поражения. Будучи на месте командира, что находился в селе, я подпустил бы советские подразделения поближе и только тогда расстрелял, не дав никому уйти. Когда мы удалились от наспех вырытых стрелковых ячеек метров на сто, в атаку поднялась пехота и бегом последовала за нами. В стороне виднелся знаменосец.

Я нажал подошвой сапога на левое плечо меховода и, когда машина начала поворачивать, ударил его по спине, чтобы тот начал разгонять танк. Больше с обороной в селе сближаться не стоит, мы уже вошли в зону поражения противотанковыми пушками. Меньше километра осталось. Танк, как будто пинка получив, рванул вперёд. До склона оврага было метров двести. Мы их проехали меньше чем за минуту. По нам били, и несколько болванок зарылось рядом, но попаданий не было. Сергей сделал невозможное, на поле разогнал машину до тридцати километров в час, другие машины шли едва на двадцати, выше невозможно, почва мягкая, вспаханная.

Давя рожь, мы добрались до склона, я нажал мехводу на голову, сбив тому шлемофон на глаза, и Сергей, притормозив, мягко спустил танк в овраг. К счастью, не разулись, а повернув, начали двигаться по оврагу в сторону села. Я успел отметить, что две роты стрелков последовали за нами, стараясь нагнать.

Двигались уверенно, я поглядел в смотровые щели и, обнаружив длинный открытый участок метров на шестьдесят, сразу открыл огонь. У немцев тут был заслон, но на удивление крохотный. Всего отделение солдат при пулемёте. Те как раз поднимались из окопчиков, вырытых для стрельбы из положения лёжа, явно собираясь отойти, танку им просто нечего было противопоставить. Я их застал, когда они снимались с позиции. Двенадцать солдат и фельдфебель с МГ-34 – его как раз снимали с треноги. Рёв движка они, видимо, поздно расслышали и сплеховали.

Перед позициями немцев было несколько кочек, которые я не сразу опознал как убитых красноармейцев. Видимо, на разведку послали, вот и напоролись. Я нажал на голову Серёги, попав на затылок, но тот понял и остановил машину, так что я длинной очередью смёл семерых. Пулемётчик у немцев успел подхватить пулемёт и дал от живота очередь. Неприятно зацокали пули по лобовой броне, но пробития вроде нет. Словив несколько пуль от меня, он свалился. Оставшиеся шестеро успели уйти за поворот, позиция у немцев была рядом. Танк рванул вперёд, доехал до поворота, объезжая убитых, как наших, так и немцев, и я открыл огонь, расстреливая оставшегося противника. Тут им деваться было некуда. Трое подняли руки, но очередь скосила их. В плен я не беру. Двое поднялись наверх, но их кто-то тут же срезал, и те покатались на дно оврага. Нажав на затылок мехвода, отчего танк встал, я сделал из пулемёта контроль и, осмотревшись – вроде никого, – быстро открыл люк. Затем одним слитным движением покинул машину, что тарахтела на холостом ходу. В руке был наган. Трофеи – это всё. Но для отчётности требуется забрать документы убитых солдат, чтобы задницу прикрыть. Так что я мигом пронёсся, собирая документы. Подранков не было. Прибрал два МП с подсумками, чехлами запасных магазинов и кобурами пистолетов. Ещё я прихватил ранец фельдфебеля – может, там что интересное? Забит плотно, думаю, его с трудом закрыли. Вернувшись к танку, я забрался на корму и спустился в башню, подал Сергею один автомат с подсумками, это его теперь. Ранец трофейный убрал под баллоны к нашим сидорам, места мизер, но втиснул к аккордеону. Тут я заметил, как из-за поворота выбегают несколько бойцов, впереди бежал здоровяк с ручным пулемётом в руках, со сбившейся на глаза каской.

Решил подождать, да и десант взять, пригодится. Выбрался на броню и, расстегнув свой ремень с кобурой нагана, застегнул немецкий. Тот удобный, с плечевыми ремнями. Даже подгонять по фигуре не пришлось. Поправив подсумки и кобуру пистолета, дождался командира в звании лейтенанта. Бойцам, что окружили танк, разрешил собрать с тел немцев что им понравится. Трое бойцов убежали дальше в дозор.

Из оврага я мог выглядывать, встав на корме. Атака на село была отбита с большими потерями для наших подразделений. Четыре танка видел, как они, маневрируя, отходили задним ходом, горело больше. Но сколько точно, не знаю, дым рассмотреть мешал. Немцы наших на четыреста метров подпустили и врезали. Один танк на сто метров приблизился к околице, но запылялся.

Медлить мы не стали, я взял на броню десант, человек десять вместилось, и мы показали по дну оврага дальше, сзади подпирали другие взводы стрелков. Так и добрались до места подъёма, выходя во фланг обороне противника. Медлить я не стал, нас отлично было видно с колокольни, тем более дозорные доложили, что немцы вручную катят в эту сторону противотанковую пушку. Взвод бойцов, используя овраг как окоп, открыл огонь по расчёту пушки, до них было метров сто, мой танк поднялся на луг, и мы погнали к околице. Сюда около взвода солдат немцы успели перекинуть и пушку, но не успели развернуть, расчёт был перебит плотным огнём. Я добрался до околицы, подминая плетень, въехал в чей-то сад, отсюда два пулемёта било, я открыл огонь из своего ДТ, уничтожая противника. Пятерых точно срезал, и расчёт пулемёта мы раздавили. А приметив плотную группу солдат, выбегающих со двора дома, ударил с секундной задержкой струёй смеси, почти двадцать человек вспыхнуло. Жутко крича, они пытались сбить пламя, а мы ушли в сторону, сбивая хлипкую оборону. Те две роты, что

последовали за мной, практически не встретили сопротивления, пока бежали от оврага к селу. Дальше началась зачистка, кое-где дошло и до рукопашной, а я направился дальше. Мне нужно было выйти в тыл противника как можно быстрее и если не выбить, то сильно ослабить ту. Нужно успеть, пока круговую оборону не организовали.

Проломив дощатые ворота, мы выехали со двора на улицу. Повернув, услышали, как по броне стучат гранаты, и дали полный газ. Гранаты рванули сзади, и только одна на корме, серьёзно нас оглушив. Вроде и слабенькая, их ещё «колотушками» прозвали, с длинной ручкой, а всё равно сильно оглушила. Но мы двигались дальше. Я сменил диск, уже третий, в запасе ещё двадцать один имеется в специальных нишах, и, открыв люк, бросил две гранаты Ф-1 во двор, куда, как я видел, забежало несколько солдат. Подарочек от советских танкистов. Закрыв люк, продолжая ногами управлять мехводом, выехал на околицу за спиной немцев, тут батарея противотанковых пушек замаскирована была, две пушки срочно разворачивали нам на встречу. Но главное не это, кормой к нам стояли две самоходки «артиштурм». Действовал я молниеносно, ведя пулемётный огонь по расчётам противотанковых пушек, дал двухсекундную струю по окопу с пехотой – вой было слышно даже через рёв движка, после чего повернул башню и дал секундную струю в корму одной самоходки, затем, подкатив ко второй, что пыталась спешно развернуться на месте, запалил и ту. Потом пушки поджёл, ящики со снарядами, после чего расстреливал всё что видел. Наши это рассмотрели, несмотря на дымы от сгоревших танков, и начали спешную атаку. Да, струи огненной смеси не заметить невозможно. Немцы, видя это, просто убирались с дороги, бросая тяжёлое вооружение. Я жёл всё. Баллоны на две трети опустели, когда я повернул в глубь села.

Добравшись до центральной улицы, я захохотал от радости. Та забита техникой была: грузовики, легковые машины, транспортёры, – танков так и не рассмотрел, да и самоходов, видимо, только две было – те, что горят сейчас на околице на выезде. Немцы паниковали, разворачивались, сталкивались, глохли, а моё появление вообще у них ужас вызвало. Часто работая пулемётом и заметно реже огнём, я прошёл по центральной улице, сжигая и уничтожая что видел. Танк резко повернул, вломившись в чей-то сад, проломив плетень. Молодец Сергей – рассмотрел противотанковые пушки, что ожидали нас на выезде. Я их тоже увидел, но позднее. Мы укрылись за домом и, развернувшись, по дворам и огородам вернулись к площади, где стояла церковь и было несколько легковых машин – похоже, в церкви штаб устроился. Пулемётом разбил стёкла в уцелевших окнах и пустил внутрь секундную струю. Спустившись к мехводу, я прокричал ему на ухо:

– Серёга, подомни одну машину, чтобы передок приподнялся. Хочу струёй колокольню сжечь, а то у меня ствол не поднимается.

– Хорошо! – проорал тот.

Танк подмял кузов грузового «Опеля», отчего передок действительно задрался, я прицелился и дал струю. С трудом, но достал. Полыхнула колокольня здорово. Немцы не ушли, как я и предполагал, провода наверх тянулись, видно стержень антенны. Два огненных комка, ранее бывших солдатами противника, выпрыгнули, жутко крича, и разбились о землю, а мы продолжили расстреливать всё что видели. Смесь закончилась, как раз по колокольне последнее выпустил, но площадь мы покинуть не смогли. Вдруг на ровном месте лопнула гусеница. Пришлось вести бой в окружении, благо подобраться к нам близко было сложно, только с одной стороны до дома метров шестьдесят. Да ещё один гад из противотанкового ружья нам точно в мотор попал. Я его срезал и пулемётным огнём не дал другим подобраться к ружью, чтобы продолжать нас расстреливать. Сергей работал из автомата через люк мехвода, чуть приподняв его, а я крутил башней. Уже пятнадцать дисков опустело, шестнадцатый расстреливал по мелькавшим тут и там немцам, когда, наконец, на площадь начали выбегать бойцы в такой знакомой форме защитного цвета. Успели они вовремя, немцы нас чуть не закидали связками гранат. Да и шестовые мины готовили подвести под прикрытием бронетранспортёра. Его сжёг

первым выехавший на площадь Т-26. К моему удивлению, танков было много, только через площадь проехало одиннадцать. А когда один, с номером нашего командира, свернул к нам, я понял, что это те танки, которые ожидали топлива, получили его и добрались до села, чтобы участвовать в атаке.

Площадь уже зачистили, церковь полыхала, поэтому я отдал приказ мехводу:

– Покинуть машину!

Говорил громко, у меня в ушах звенело, что уж про Серёгу говорить. Комбат тоже выбрался из танка, устало вытирая потное лицо. На щеке у него была кровавая царапина. Мы сами все мокрые были, но старались выглядеть бодрячком.

– Докладывайте, – приказал капитан.

Однако доложить я не успел. На площадь въехала кавалькада машин, единственная зенитка в кузове ЗИС тут же взяла под контроль небо, а к нам подъехала побитая осколками и пулями «эмка». Все стёкла вынесены, но на ходу. Машину покинул уже знакомый генерал-майор, с ним двое полковников и один полковой комиссар. Они подошли к нам, мы вытянулись, ожидая неприятностей от начальства. От них всегда неприятности идут.

– Кто первым ворвался в село? – с ходу спросил генерал.

– Мой танк, товарищ генерал-майор. Экипаж сержанта Барда и мехвода красноармейца Жилина.

– Почему атаковали через овраг?

– Командир полка приказал действовать по обстановке, товарищ генерал-майор. Атака в лоб была обречена на провал из-за сильной противотанковой обороны противника, поэтому я решил выйти им во фланг. Информация про овраг получена от мальчишек-рыбаков, я сообщил об этом командиру. За мной повернуло две роты стрелков. В овраге сбив и уничтожив заслон из тринадцати солдат противника при станковом пулемёте – их документы у меня в планшете, – я совместно с пехотой атаковал село. Ворвались на территорию, уничтожив до взвода солдат. После чего направился к околице, решив ударить с тыла. Это удалось, пулемётным огнём и огненной смесью уничтожено две самоходки, семнадцать противотанковых пушек, три склада боеприпасов, до двух рот солдат, большая часть сожжена заживо. Закончив с обороной, направился в центр села. На главной улице, где проходит трасса, застал автоколонну в панике, пытались сбежать. Атаковал, расстреливая. Уничтожено и повреждено примерно сорок грузовиков и два бронетранспортёра. Чудом избежав противотанковой засады на противоположной стороне села, вернулся в центр, где смог сжечь штаб в церкви и корректировщиков на колокольне, но потерял гусеницу, лишившись хода. Пришлось принять бой в окружении, покинуть машину не могли из-за плотного огня противника. Танк не боеспособен, из противотанкового ружья попали в мотор. Держались до подхода наших, уничтожив до двух отделений солдат. Сержант Бард, доклад закончил.

Генерал, покачавшись с пятки на носок, сообщил:

– Когда я увидел, как один танк покинул поле боя, хотел отдать приказ отправить командира под трибунал, но именно благодаря вам мы взяли это село. Я не командир вашей дивизии, но она входит в мою армию. Личным приказом я награждаю вас орденами Красной Звезды с повышением в званиях. Это всё, что я могу сделать. Спасибо, товарищи.

Генерал обнял каждого, после чего, когда принесли две красные коробочки, сам приколот награды нам на грудь. После этого выдали корочки на награды с внесёнными туда номерами. Пока я докладывал, прибыл начальник штаба нашего полка. Услышав окончание моего доклада и то, что решил генерал, пообещал всё оформить быстро. Генерал со свитой укатил, а нам велели идти к одной из машин, где в кузове и разместился штаб. Комбат, быстро опросив нас, осмотрел мой танк и, приказав оставить его, велел искать себе другую машину. Скоро в тыл отправится автоколонна с ранеными, довезут до станции в Луцке. Потом до Ровно и в расположении нашего полка, получим восстановленный танк. Нам в удостоверения внесли

новую информацию, теперь я стал старшим сержантом, а Серёга младшим. Я написал рапорт, автоматы пришлось сдать, документы убитых немцев тоже, после чего мы вернулись к танку, забрали свои вещи, я пулемёт снял, мы забрали пять дисков и, загруженные до предела, направились к санитарной колонне, что готовилась уезжать. Раненых много было. Одна машина для безлошадных танкистов. Пока не дошло до того, что танкисты воюют в рядах пехоты, поэтому мы надеялись получить восстановленные в ремонтных мастерских дивизии танки. Когда колонна тронулась, я скинул верх комбеза и гимнастку – ох, как приятно ветерок мокрую нательную рубашу обдувал! – и проколол шилом петлицы под новые треугольники, Сергей занимался тем же. Я сказал:

– Войница.

– Что-что? – не расслышал мехвод.

– Я говорю, село называется Войница. Надо будет запомнить.

Закончив приводить в порядок форму согласно моему новому званию, я снова надел гимнастёрку и, натянув комбинезон, застегнул поверх него ремень с наганом, проверил вещи. Два моих вещмешка с припасами и вещами, трофейный ранец с фельдфебеля, который я и не подумал сдавать, и аккордеон. У Жилина всего один вещмешок. Ещё он получил пулемёт и боезапас к нему. Фляги мы на ремнях подвесили. Воду залили из колодца в селе, а то после боя приложились, вот разом и опустошили. Так и катили. Наша машина обогнала санитарную колонну, уж больно те медленно ехали, и в одиночку мы погнались дальше. Что я отметил, брошенной техники хватало, но в основном экипажи были при машинах.

По поводу награждения, так это не более чем счастливый случай. Если бы не генерал, то мы бы в качестве десанта продолжали атаковать, гоня выбитых из села немцев. Может быть, и под трибунал бы попал. Но победителей не судят, а если представить на миг, что до села мы не доехали да гусеница порвалась, то это всё, финиш. Я своё награждение воспринял спокойно, как должное. Хорошо, что у генерала вообще такие награды нашлись в запасе. Возможно, последние отдал. Вот Серёга Жилин воспринял награждение как праздник, как лучший день в своей жизни, так что ехали мы в машине под его шуточки. У кого-то из танкистов нашлась фляжка с водкой, так что мы отметили награждение, я тоже глотнул. Фляжка мигом опустела. Несколько командиров танков собрались у меня, и я описал, как шёл бой. Те сами были в бою, чудом спаслись, комполка вот погиб в атаке, но мой рассказ поразил их. Что они видели? Атаку, удар от попадания, огонь, что врывается в боевое отделение, и приходится спешно покидать машины. Даже особо и пострелять по противнику не успели, несколько выстрелов осколочными на ходу сделали, вот и всё. Поэтому рассказу о том, что я творил в селе, внимали с жадностью. Общее мнение было, не эти награды мы заслужили, тут не Красные Звёзды, а к героям представлять нужно. В основном об этом до конца маршрута и говорили. Дорога прошла благополучно, пару раз «мессеры» мелькали, одна пара даже пытались атаковать, да мы так дали из одиннадцати стволов – не я один ДТ снял со своего танка, – что те, шуганувшись, удрали искать менее зубастую добычу. Доехали до Луцка, а там нас стопорнули на посту на въезде. Я сразу понял – дело плохо, рассмотрев двух командиров-танкистов. Майора и старлея. Их издали видно было – в синих комбезах, перевитых ремнями, и в шлемофонах. К слову, о шлемофонах: они не похожи на те, что были в польском сериале «Четыре танкиста и собака», ушек для ларингофонов нет. Сейчас используются устаревшие, по виду действительно шлемы, пусть и ребристые сверху, у меня у самого такой. Так вот, остановив нас, велели оружие оставить в кузове, это пулемётов касалось, и выстроиться у машины. Когда шеренга была выстроена по росту, что заняло некоторое время, майор вышел вперёд и сообщил:

– Я майор Северов, из оперативного штаба двадцать второго мехкорпуса. Все, кто знает танки «три-четыре», прошу выйти из строя.

Строй как стоял, так и стоял, глядя на майора. Тоже нашёл у кого спрашивать, у танкистов из лёгкой танковой дивизии, они кроме Т-26 и БТ разных версий ничего больше и в глаза не видели. Тот устало вздохнул и всё же пояснил:

– Нами получено десять новейших танков модели «три-четыре». Они сейчас на станции ожидают разгрузки. Мне нужны экипажи.

Подумав на миг, я кивнул сам себе и вышел из строя. Больше строй никто не покинул.

– Жилин?

Тот уловил вопрос в моём тоне и вышел из строя, пояснив:

– Я не знаю этот танк, товарищ майор, но если командир просит, значит, дело стоящее.

Майор перевёл взгляд на меня и решил уточнить:

– Сержант, откуда эту машину знаете?

– Заканчивал сержантские курсы в академии бронетанковых войск в Москве, товарищ майор. На танкодроме в Кубинке изучил все типы. КВ тоже знаю. Тридцать часов за рычагами просидел. Помогал ремонтникам.

– А «три-четыре»?

– Как и все курсанты – четыре часа. Два круга по танкодрому сделал.

– Хотя что-то. Других всё равно нет.

Не знаю, зачем майор нас опрашивал, всё равно всех забрал, так что мы снова погрузились в кузов ЗИСа и, покрутившись по улочкам, доехали до станции. Майор и молчаливый старлей ехал с нами. На платформах действительно стояли «тридцатьчетвёрки», увидев их, я довольно кивнул. Пушки Ф-34, очень неплохи, по сравнению с Л-11. Разгрузившись, ЗИС укатил – у водителя свои приказы. Майор поспешил уйти, а мы, сложив вещи в общую кучу, получили от старшего лейтенанта, что носил фамилию Труханов, приказ строится.

– Старший сержант Бард, вы сможете согнать танки с платформ?

– Думаю, да, товарищ старший лейтенант. Только нужно два помощника-регулирующего.

– Добро. Выберите двоих и приступайте. Поторопитесь, пока стервятники не налетели.

– Есть, – козырнул я.

Выдернув из строя Жилина и ещё одного сержанта, тоже командира танка, побежал к платформам эшелона. Первая стояла у эстакады, у паровоза машинист с помощником курили. Танки закрыты были. Дав ключ Жилину, велел открыть верхние люки у всех танков, пусть проветрятся. Сам же, нырнув в башенный люк первого – ну и духовка! – открыл люк мехвода и, осмотревшись, включил массу, проверил коробку передач, потом баллоны со сжатым воздухом и аккумулятор. Нажав на кнопку насоса, я в течение пары секунд слушал, как тот работает, после чего нажал большим пальцем на пуск стартера, и после полутора секунд ожидания тот взревел мотором. Танк был готов к спуску. Только я не спешил этого делать. На каждой платформе было по два танка, эшелон укорочен, видимо, ещё что-то прицеплено было, но уже отцепили, лишь в конце два грузовых вагона. Выбравшись наружу, на свежий воздух, я добежал до первого танка, оставив второй урчать на холостом ходу. Тут тоже без проблем запустил движок, и дальше, наблюдая за помощниками, я смог, сдавая задом с лёгким разворотом, скатить танк по эстакаде на землю, где развернул машину и, врубив третью скорость, рванул к дальним строениям. Труханов сообщил, что там будет стоянка. Пара танкистов в качестве регулировщиков показали, куда поставить бронемашину, что я и сделал. Всё заглушил, массу выключил и помчался обратно, вскоре поставив рядом с первым танком и второй. Их уже маскировали. Машинист подавал платформы к эстакаде, а я спускал танки. Пока работал, прикинул расклады. Похоже, я знаю, что меня ждёт – основной состав танкистов, с которыми я доехал до Луцка, уже распределили по машинам, стрелки-радисты, башнеры, кому-то повезло командиром танка стать, а мне сто процентов в мехводы. С ними проблема, майор, я так думаю, и решал эту задачу с поиском нужных специалистов. И да, майор не командир роты, им Труханов стал, лейтенант Кузмин – командиром первого взвода, а Северов искал специалистов и

готовил роту к выдвижению. Пока даже неизвестно, какой дивизии эту роту придадут. Танк я себе уже выбрал, Жилин туда стрелком-радистом, он уже даже вещи наши перенёс. Труханов согласился с моим выбором и тут же сделал мой танк своим. То есть назначил машиной командира роты. Хитрец. Остальные танкисты были заняты: вскрывая те два вагона, доставали ящики с боеприпасами. Снаряды в основном осколочные были, бронебойных мизер, едва двадцать процентов. Ящики переносили к шеренге танков и складывали в штабеля. Боеукладки-то пустые. Патроны тоже были. Ладно, хоть вооружение на месте, пулемёты. Те, что при нас были, отправились на ЗИСе в распоряжение дивизии.

Оба вагона освободили, и эшелон ушёл. Он срочно где-то нужен был. А мы занялись машинами. Заправлять не требовалось, баки, к счастью, полными были, так что вскрывали ящики, протирали снаряды от консервационной смазки, от солидола, и укладывали по местам. Башнер нашей машины уже изучил, что где находится, осмотрел чемоданы под ногами и стал укладывать снаряды как ему удобно, мы подавали через верхний люк. Втроём работали, Труханов ходил, наблюдал, как идёт дело у других экипажей, подсказывая при нужде. Похоже, эти танки знал. Наконец со снарядами было покончено, семьдесят семь штук, перешли к пулёмётным дискам, а их сорок шесть в боекомплекте. Доставали пустые, а возвращали в ниши уже снаряжённые. Когда закончили, как раз ужин наступил, шесть вечера. И тут ротный порадовал: работали душевые в железнодорожном депо поблизости. Выставив часовых и заперев люки танков, мы прошли сначала в столовую, расположенную там же, а потом и в душевую. Вот так жить можно. Пока мылись, нам быстро простирали исподнее и форму и даже высушили. Комбез я надевать не стал, вместо шлемофона пилотку надел. В общем, вернулись к машинам свежие и сытые. Тюк комбеза и шлемофон нёс в руках.

— За что наградили? — поинтересовался майор Северов, встретив нас у танков. Было видно, что орден новенький, как и у Жилина, который тоже не преминул похвастаться им.

— За захват большого села силами одного танка, с нанесением противнику больших потерь, товарищ майор.

— Это как?

— На ХТ-26 обошли занятое противником село и ударили с фланга. В ударе участвовали мой танк и две роты стрелков. Враги не ожидали, что мы выйдем на них с тыла. Сжёг две самоходки, два бронетранспортёра, смесью бил по противотанковым пушкам. Две роты пехоты на моём счету и штаб, плюс автотехники несколько десятков. Это сегодня было, в одиннадцать часов утра. Там присутствовал командующий нашей Пятой армией, он и наградил нас на месте с повышением в звании. А так как танк мой подбили на площади, в мотор попали, хорошо ещё не вспыхнул, то нас направили за новыми машинами.

— А тут мы встретились, — понятиво кивнул майор. — Старшину присвоили?

— Я сержантом был, месяца нет как из учёбки. Штаб полка тоже в селе был, там всё быстро и оформили.

— Понятно. Со штабом вашей дивизии я уже связался, там в курсе, что вас откомандировали в моё распоряжение. Мне удалось найти ещё двух мехводов на «три-четыре» с опытом, нужно срочно перегнать танки в укрытие. Чудо, что пока налётов нет. По три машины отгоните на опушку леса у Луцка. Даю сутки на ознакомление с машинами, после этого в бой.

— Есть, — козырнул я.

Майор ещё танкистов привёл, всё же нас не хватало, по факту по два человека на машину выходило, не считая машины ротного, у нас полный экипаж, а тут до штата практически довели. Мехводы были, но по другим машинам, лёгким, придётся на ходу учить. Труханов знал, куда перегнать танки, так что он сидел на башне своей командирской машины, которой я правил. Маскировку мы уже сняли, танки мусором замаскированы были, и три первые машины двинули по улочкам к выезду, а там и до леса. Внутренняя связь работала отлично, я пояснял Жилину, что делаю, что за что отвечает и что ни в коем случае не стоит делать, чтобы не запо-

роть движок, коробку или ходовую, что не так и трудно. Сырые эти танки ещё. В общем, учил так, как нас инструкторы в Кубинке обучали, опытные черти, знали, что говорить.

Тут на месте машина ожидала. Мы оставили танки и на «полуторке» – как я понял, её за нами закрепили – вернулись обратно и перегнали три следующих танка. Теперь я на месте стрелка сидел, а тот на месте мехвода, потом ещё один взвод перегнали, а последний танк почему-то мне приказали пригнать. А я и его на Жилина свалил, и тот вполне уверенно это сделал, о чём я Труханову доложил, и тот Жилина назначил мехводом на один из танков. Подготовил. А на место него другой танкист пришёл. Как раз стрелок с Т-28. Пулемёт он знал, а вот рацию нет, пришлось учить, я неплохо с ней знаком. А мне поставили задачу к утру обучить других мехводо-в. Моя методика понравилась ротному. Хотя что там за методика. Главное – сообщить, что нельзя делать, а что можно. Как управлять. Да они сами опытные, справятся. Однако задача поставлена, пришлось выполнять, так что до утра мне и пятерым танкистам не удалось сомкнуть глаз. После тяжёлого дня с не менее тяжёлым боем было трудно, но всё что нужно я им дал. Труханов правильно говорил, учили меня настоящие мастера танкисты-испытатели, и они знали все слабые стороны этого типа бронетехники.

Спать мы легли в три часа ночи, закрыв танк, который использовали как учебный макет.

Глава 5

Рейд

К счастью, никто не стал бросать необученную роту в бой. Нет, у танкистов мотивации и желания было просто огромное количество, но, похоже, приоритеты в использовании нашей роты изменились. Ей нашли другое задание. Какое, не знаю, до меня его не довели. Я больше скажу, Труханов тоже в неведении находился, что его изрядно бесило. И он прав. Ведь ему нужно спланировать маршрут, скорость движения, места заправок и осмотра машин, проверить, как те дорогу выдерживают. Я не знаю, что удумали, но новый приказ поступил – отдыхать нам этот день, набираться сил, изучать и осваивать машины. А вот ночью с двадцать четвёртого на двадцать пятое двинем... куда-то.

После завтрака мне дали возможность отдохнуть до обеда, а после до полудня я учил мехводов управлять их танками – уже в реале покатались. По пять километров каждому вышло, но хоть так. Потом на пять часов отбой, и, как стемнело, рота покинула место стоянки. С нами три грузовика было. Мало, конечно, боеприпаса, продовольствия и топлива много не возмёшь, но машины заправили под пробки. Причём подъезжал топливозаправщик – редкость в наше время.

Час времени, с разрешения ротного, на концерт потратил, вся рота собралась и слушала. Пел песни семидесятых, хорошие и добрые. Даже «Чёрный кот» был. Все старались отбросить тревожные мысли, о первых танковых боях мы услышали от водителя машины, что за продовольствием ездил в Луцк, говорят, рубка страшная стоит, а мы тут сидим, непонятно, чего ждём. Новейшие машины простаивают, а могли бы серьёзно нашим помочь: как они там на лёгких танках, «консервных банках», как их называли некоторые танкисты, с немцами дерутся? К слову, пришлось поговорить с Трухановым. Тот велел заменить большую часть осколочных снарядов на бронебойные, чтобы две трети их было. На первый взгляд решение верное, но на мой – глупейшее. Я знал, какие бои развернулись рядом – наши танкисты очень редко встречаются с немецкими, больше с пехотой, что и жжёт их за милую душу. Так что большая часть снарядов – это я о бронебойных – для нас мёртвый груз. Объяснял спокойно, давая возможность сделать выводы из сообщаемой информации, но убедить не смог. Снаряды были поменены.

Что за задание у нас, так и не довели до бойцов роты, один Труханов знал, а по его лицу не поймёшь, куда нас бросили. Это большая или маленькая задница? Двигался мой танк впереди, к трассе не приближались, шли по просёлочным, часто встречая бредущие стрелковые части с уставшими бойцами. На перекрёстке нас ждал пулемётный БА, что и будет дальше выполнять роль проводника. Двигались всю ночь с тремя остановками по полчаса. То, что мы ушли глубоко в тыл противника, поняли даже самые тупые, но о задании так ничего и не узнали. В принципе, в таком случае секретность действительно должна быть превыше всего, что и обеспечит выполнение задания.

Заехали в какой-то лес под деревья и начали маскировать машины. Дальше поужинали и отбыли ко сну, выставив усиленные посты часовых. Где мы находимся, я знал только примерно – где-то в районе Владимира-Волынского, но что нам тут делать, непонятно. Атаковать железнодорожную станцию? Фронтовой аэродром? Штаб? Не знаю что, но чую, тут больше политика замешана. Показать немцам, что и в тылу стоит о нас помнить. Значит, удар нужен такой, чтобы даже за границей союзники о нем заговорили. Нас используют втёмную, без речей комиссаров или политруков, хотя последний в наличии, прибыл за час до отхода на одном из грузовиков. Однако он не заводил нас речами, готовя к большим свершениям. Может, перед боем это сделает? Вполне логично.

Когда нас разбудили, времени было час по полудню. Выстроив бойцов роты, включая трёх разведчиков с БА, Труханов сообщил цель задания, после него и политрук выступил с зажигательной речью. Я случайно угадал. Причём по всем позициям. Наша задача – атаковать крупный аэродром, к слову, бывший наш, где уже размещались немецкие авиачасти, перегнавшие туда свои самолёты. Не много не мало, а сотню единиц разведка засекла. Потом атакуем железнодорожную станцию, там надо нанести как можно больше повреждений, вызвав пожары. После чего следует расстрелять опоры железнодорожного моста, обрушив его. Немцы уж больно его охраняют от нашей авиации, а взорвать при отступлении не смогли. После этого как раз наступит темнота, и мы уйдем обратно. Тут уже можно самим повеселиться, громя тылы противника. Я в шоке, похоже, наши командиры не имеют чувства меры. Ладно аэродром, фактор неожиданности может сработать, если начнём с него, но вот, атакуя станцию, мы и поляжем, пытаясь пробить оборону. О нас уже будут знать, и зенитки там должны быть. До моста дело не дойдёт, уверен. Труханов уже и сам понял, что ошибку совершил, сменив боезапас, а в кузове двух грузовиков не так много осколочных снарядов. Вот и возникают такие казусы, если даже от командира подразделения скрывают цель задания.

Я привычно провёл осмотр машины, а так как меня назначили старшим техником по роте, пришлось обойти остальные. Танки пережили ночной бросок вполне достойно. Если уж все десять добрались до места, то это о чём-то говорит. Хотя пару моментов пришлось мехводам подсказать. Две машины вызвали у меня тревогу, всё же неопытные водители, вот почти и заporоли машины. С ними возился долго, объясняя, что сделали не так и что могло случиться. Пришлось подшаманить слегка их машины. Особо сделать ничего не мог, тут бронеплиту над двигателем поднимать нужно, а она почти тонну весит, но, надеюсь, бой танки выдержат и выполнят задание, а там и бросить можно будет в случае крайней нужды. На буксир брать не будем, с другими неопытными мехводами ещё больше машин выведем из строя. Разведчиков не было, те пешком куда-то убежали, а за час до начала операции меня вызвал Труханов, я как раз решил проверить-таки ранец фельдфебеля, всё руки до него не доходили, и ротный ругается, что я барахольщик и в танке места нет, как прибежал посыльный от него.

– Разведка вернулась. О нас, похоже, не знают. Они при возвращении тут совсем рядом наш танк брошенный обнаружили. Говорят, КВ-2. Ты у нас специалист по ним, время есть, сходи посмотри. Только бегом.

– Есть, – козырнул я.

Рядом топтался молодой парень из разведчиков, экипажу БА пришлось вокруг на своих двоих разведку проводить. Вот мне парнишку и выделили, примерно моих лет. Сначала я сбежал к грузовику, где стояли бочки с топливом, и прихватил две канистры с соляжкой – чую, что танк тупо бросили, как топливо закончилось, иначе зачем в лес загонять?

Он действительно недалеко был. Пока разведчик бегал вокруг, я, пытаясь, пёр эти канистры. Надо было кого из танкистов привлечь для помощи, но да ладно, сам с усталости сглупил. Меньше километра прошли, когда вышли к машине тяжёлого танка. Осмотрелись, и я довольно кивнул – хорошо спрятали.

– Пробежись по следам, нужно замаскировать место въезда в лес, – велел я разведчику и, когда тот убежал, достал ключ и открыл танк. Открывал осторожно, на предмет минирования, но всё было в порядке.

Танк побывал в бою. Я насчитал двадцать восемь попаданий от мелкокалиберных противотанковых пушек и семь от чего-то посерьёзнее. В основном попадания в башню были, но, похоже, машина в порядке, пробитий нет. Проверил веткой, открыв бак, – сухо, на последних каплях горючего загнали в лес. От опушки он в ста метрах стоял. Сняли два из трёх пулемётов, оставив спаренный с орудием, и ушли. К орудию два снаряда, двадцать семь дисков с патронами, остальные тридцать пусты. Видимо, с собой забрали, сколько смогли. Проверил электрику – аккумулятор чутьдохлый, но приборы засветились, электромотор повернул башню

туда-сюда. В порядке машина, как я и думал. Воронку я нашёл там, где и должна была быть, под сиденьем мехвода. Выбравшись наружу, вставил ее в горловину и стал сливать топливо из канистр в бак. Сорок литров – это, конечно, мизер, километров на тридцать, но хоть что-то. Не то чтобы предчувствие, но иметь запасной вариант, если вдруг потеряю машину, всё же хочется. Слив солярку, я закрыл горловину, тут как раз и разведчик прибежал, доложившись:

– Следы танкисты сами лапником замаскировали неплохо, но я поправил, нужно специально искать, чтобы их найти.

– Ясно. Как тут с противником вокруг? Если пошумим, засекут?

– Никого рядом не заметил, товарищ старший сержант.

– Отлично. Посмотри вокруг, а я проверю танк и разверну его.

Вернувшись в боевой отсек, я устроился на месте мехвода и провел нужные процедуры, баллоны со сжатым воздухом пусты оказались, пришлось аккумулятор использовать. Насос поработал, подавая топливо, после чего я нажал на запуск стартера. Две секунды крутил, пока двигатель не взревел мощным басом. Оставив танк тарахтеть на холостом ходу, чтобы аккумулятор подзаряжался, я выбрался через люк стрелка и осмотрелся. Вот, кстати, у мехвода своего люка нет, он рядом, у стрелка. Вылезать проблема. Разведчик морщился: шумим, – я же прикинул, как разворачиваться, почва песчаная, но застрять всё же возможно. Решил, что стоит рискнуть, так что, вернувшись, включил первую скорость и стронул танк с места. Отлично, коробка, двигатель и ходовая в порядке. Потянул на себя рычаг, и танк, загребая левой гусеницей песок, начал крутиться на месте. Большой разворот не получится, деревья мешают. Поворот удался, и я, проехав чуть вперёд, стал передком в сторону, откуда этот танк приехал. После этого, заглушив двигатель и выключив массу, провел лёгкую консервацию. Закрыв танк, я убрал ключ от люка под правую гусеницу, после чего мы с бойцом снова замаскировали КВ лапником и бегом рванули обратно. Опаздываем. Это всё на всякий случай. Вот и схрон у летних лагерей нашего полка у Ровно, с трофеями с бандитов, тоже у меня на всякий случай – песок там мягкий, зарыл на полметра. Мало ли пригодится. А топливо найти можно, если так уж нужно будет, вывернусь и найду.

Успели едва-едва, ротный глянул недовольно, но доклад выслушал.

– На ходу, значит, и без боекомплекта? – пробормотал он и потёр подбородок, потом решил: – Медленный он, оставляем. Но командованию по возвращении сообщим. Всё, по машинам!

Быстро нырнув в люк на своё место, я воткнул штекер шлемофона и, сообщив, что на связи, запустил двигатель. После чего выехал на опушку и двинул следом за броневином. Труханов, сидя в открытом люке, сообщал куда ехать, где прибавить скорости, а где и сбросить. Двигались всё же на максимальной, и, что радовало, пыль скрывала нас, непонятно было, кто едет, поэтому охрана аэродрома и не поняла сразу, что происходит, а когда мы ворвались на территорию, уже поздно было.

– Дави! – заорал ротный, и я подмял хвост двухмоторного бомбардировщика. Вроде «Дорнье».

Если раньше я только думал, что специальность механика-водителя мне не нравится, то теперь мог об этом говорить уже уверенно. Ещё как не нравится! Ну не моё. Вот будучи командиром танка, я ощущал себя на своём месте. Так что в последнее время я размышлял и прикидывал, как соскочить и вернуться на должность командира бронемашины. Пока ничего в голову не приходило, разве что потерять танк. Как-то очень не хотелось бы, в этом случае и я могу не выжить. Может, этот КВ и не пригодится, но такие схроны на чёрный день я старюсь оставлять. В прошлой жизни так же делал. Из двух десятков только тригодились. Да и то без особой нужды, тупо лень идти было деньги снимать.

Так вот, по плану налёта на аэродром. Зачем снаряды тратить, если самолёты можно уничтожить, банально раздавив? Истребители полностью, более крупным самолётам по хвосту

проехать, без хвостов же не полетят. Разбились на группы, шесть танков зачищают охрану, уничтожая зенитчиков, бьют по казармам и палаткам с личным составом, их броневик поддерживает, двигаясь позади. Четыре танка, считая наш, уничтожают самолёты и материальную часть. На всё про всё выделено полчаса, после чего скорым маршем идём к Владимиру-Волынскому. К станции. Немцы уже активно её используют, поставляя туда всё необходимое.

Я радостно заорал, давая очередной «лаптёжник», тут и они были, это уже третий на моем счету. В общем, веселились на стоянке знатно. Несколько самолётов немцы попытались поднять в воздух, видимо, дежурные, но их расстреляли, миндальничать не стали и не пожалели снарядов. В общем, я бой особо и не видел, что там в узкие смотровые щели мехвода разглядишь? Только и слышал команды Труханова. Однако с аэродром мы закончили и помчались на предельной скорости в сторону города. Рота уменьшилась на одну боевую единицу. Одну «тридцатьчетвёрку» немцы всё же сожгли. А разведке повезло, всё ещё с нами. Грузовики укрыты, выполним задание, прихватим и направимся к своим.

К моему удивлению, и налёт на станцию удался. Нет, я в шоке. Слишком много от нас хотели, с собранной наспех танковой роты. Я ещё верил, что с аэродромом всё получится благодаря фактору неожиданности, но то, что станцию расстреляли, покатавшись по улицам города, потеряв всего три танка и броневик, сильно удивило. Множество пожаров от горевших складов за спиной показывали, что рейд уже удался.

А вот у моста нас ждали. Откуда там взялись четыре тяжёлых крупнокалиберных зенитных орудия, те самые «ахт-ахт», да ещё установленных на прямую наводку, не знаю, но они подпустили нас на дистанцию километра – мы атаковали фронтом, тут местность открытая, поле – и банально расстреляли.

Ротный орал и матерился, видя, как вспыхнули две «тридцатьчетвёрки», но мы мчались на предельной скорости вперёд, активно маневрируя и сбивая врагу прицел. Это помогало, хотя один раз танк и содрогнулся, но это был рикошет. Вдруг новый страшный удар – попали! Однако двигатель ревел, а танк продолжал мчаться вперёд, слушаясь моих команд, но стало странно светло, и стрелок-радист, что обернулся назад, вытаращил глаза и прокричал мне на ухо (почему-то внутренняя связь не работала):

– Командира нет!

Я не понял его и обернулся, сразу сообразив, что произошло. Снаряд просто снёс башню нашего танка, срезав ноги командира по колено и разорвав поперёк туловища башнера. Страшное зрелище, кровью завоняло и разорванными внутренностями. Ясно, то-то танком легче стало управлять, несколько тонн стали и брони потеряли. С этой батареей ловить нам нечего, так что я потянул левый рычаг на себя, развернулся и погнал прочь, продолжая идти зигзагами. Вскоре нас скрыла складка местности.

Стрелка я отправил к проёму, где раньше башня была, тот подсказывал, куда ехать. Пулемёт стрелок прихватил с собой и в случае чего мог открыть огонь, сидя как в окопе. Он и сообщил, проорав в ухо, что две «тридцатьчетвёрки», стараясь не отстать, идут следом за нами. Я сбросил скорость до среднего, чтобы они нас нагнали и пристроились за кормой, а стрелку велел искать место, где мы грузовики оставили – нужно доложить политруку. Теперь он за старшего. Ещё нужно узнать, кто уцелел в тех двух танках. К счастью, стрелок приметил знакомый разъезд, свернули куда нужно и вскоре добрались до стоянки грузовиков.

Выжил лейтенант Кузмин, по номеру на башне танка ясно стало. Кто второй, не знаю. Он мне незнаком был. Жилин выжил, он мехводитом у Кузмина. Вот только на стоянке, где мы грузовики оставили, шёл бой. Было видно, как полыхает машина и трассеры мелькают. Там шла активная перестрелка. Да ё-ё-ё!!!

Притормаживая, я пропустил два шедших за мной танка вперёд, их командиры тоже разобрались, что происходит, и с ходу открыли огонь из пулемётов. Несколько раз ударила пушка. Да и мой стрелок, младший сержант Губин, тоже стрелял. Я сдал чуть в сторону, чтобы

стрелку никто не мешал. Хватило пяти минут, немцы, те, что уцелели, спешно отошли, и вскоре к нам вышли выжившие, всего двое водителей – политрук и остальные погибли. Стало ясно, что произошло: по следам от наших танков на них наткнулся патруль на трёх мотоциклах. Из девяти немцев ушли двое, трупы семерых и все три мотоцикла обнаружались тут же. Один на ходу был.

Пока спешно копали могилу, Кузмин, собрав командиров, меня в том числе, сообщил:

– Я решил, как закончим с погребением, немедленно уходить к нашим. У нас осталось два танка и один без башни. Из грузовиков на ходу ничего нет. Людей на броню примем и уйдём.

– Товарищ лейтенант, предлагаю забрать КВ, – подал я голос.

– Какой ещё КВ? – удивился тот.

– Разведчики обнаружили в этом лесу брошенный танк... – я кратко описал, что было ранее днём.

– Скорость у него не велика. Могут перехватить, или засаду по пути устроить, – морщась, протянул тот. – Какова у него дальность хода?

– При полных баках по дороге чуть больше двухсот, по пересечённой – чуть больше ста. На дороге может скорость держать тридцать километров в час, по пересечённой – пятнадцать.

– До Луцка по прямой километров семьдесят, но пока крутимся по полевым дорогам, все сто пятьдесят будет. Баки, я так понимаю, сухие?

– Я там пару канистр слил, километров на тридцать, не больше.

– Конечно, привести такой танк будет просто отлично, но рисковать я не хочу. Судя по карте, нам три брода нужно пройти и один мост. Один брод и мост такого монстра точно не выдержат. Оставляем.

Тут я задумался. Идти с группой лейтенанта Кузмина я не хотел. Это не было чуйкой или чем-то подобным, но желания у меня действительно не было. Поэтому я сразу принял решение.

– Товарищ лейтенант, разрешите оставить вашу группу. Я могу и один танк перегнать. В этом случае мне не придётся поддерживать одну с вами скорость, трансмиссия может не выдержать, большое место у КВ, а я по-тихому проведу стороной, обойдя главное направление наступления немцев.

– Они фронтом наступают, да и патрули исключать нельзя, – отмахнулся тот, но в голосе лейтенанта отчётливо была слышна заинтересованность.

– Что мне эти патрули? – хмыкнул я.

– Хорошо, разрешаю.

– Мне бы приказ от вас, чтобы, если что, предъявить, когда к нашим выйду.

– Хм, логично.

Отойдя к борту своего танка, тот достал из планшетки блокнот и в несколько строк написал приказ, не забыв указать своё звание и должность, и, расписавшись, передал мне. Из него следовало, что я перегоняю танк в распоряжение командования нашей девятнадцатой танковой дивизией для пополнения экипажем и боеприпасами. Стемнело, похоронили павших, я дождался, когда наши уедут, вздохнул и присел у трофейного ранца. Чую, что правильное решение принял, но так ли это, увидим в будущем. Открыв ранец, я стал искать фонарик. С трупа обер-ефрейтора я снял такой, но он разрядился, ещё когда я обучал неопытных мехводоуправлять «тридцатьчетвёрками». А у фельдфебеля не было, и я надеялся найти его в ранце. Есть еще трупы мотоциклистов из патруля. Жаль, со старшего забрали планшетку с картой, Кузмину ушла, мне бы тоже пригодилась, да и оружие всё забрали, сложили в тот танк, что без башни. А мотоцикл, что уцелел, бросили, не нужен оказался.

Первым мне попался футляр с новеньким фотоаппаратом. Настоящий советский «ФЭД-Б». Генеральский. Директор детдома, где я рос и учился, был страстным коллекционером фотоаппаратов, не удивительно, что у нас в детдоме было несколько кружков, включая фотокружок. Поэтому такой фотоаппарат я держал в руках и даже заряжал. В общем, использовать мог.

Убрав фотоаппарат обратно в чехол, обнаружил пять новеньких фотоплёнок. Живём! Вести фоторепортаж о наших действиях – это здорово. Эх, раньше бы знать о нём, я бы задокументировал, как мы аэродром громим. А что, развернулся, открыл люк и сделал фото раздавленных самолётов. Но теперь-то уж что печалиться? Отложив плёнки и фотоаппарат в сторону, искал, что ещё есть. Пара пачек патронов для парабеллума, кошелек с марками, непочатая пачка советских десятирублёвых банкнот, две банки консервированной колбасы, упаковка советских макарон, пачка галет, стопка писем, два чистых блокнота и котелок с рыльно-мыльными принадлежностями, а вот фонарика не было. Сложив все обратно, я оставил вещи и прогулялся к мотоциклам, обыскал тела убитых немцев. Оп-па, а немцев-то убито не семь, а восемь, одного не заметили, в кусты откатился и залёг, где и умер от ран. Значит, один ушёл. Выжившие говорили, что мотоциклы полные были, по трое на каждом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.